

КОШКИ-МЫШКИ

A man in a black tuxedo and a white eye mask sits elegantly in a brown leather armchair. To his left, a grey mouse with large ears sits on another brown leather armchair. The background is a dark wood wall with an arched doorway.

НИНА РОМАНОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нина Романова

Кошки-мышки

<https://litres.ru/74410113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не всё сбывается-о чем мечтается. Эмма, избалованная матерью студентка второго курса, встречает мужчину, в которого влюбляется с первого взгляда. Но из-за одного глупого поступка, она его теряет. Судьба снова сводит с ним спустя три года, и уверенность Эммы в том, что всё отболело и прошло рушиться на глазах. Тем более, что ее Саша теперь с другой.

Содержание

Глава первая «Эмма»	4
Глава вторая «Любочка»	12
Глава третья «Три года назад»	20
Глава четвертая «Накануне»	28
Глава пятая «Выкуп»	35
Глава шестая «Я хотела бы пригласить тебя завтра на чай»	42
Глава седьмая «Прочь!»	52
Глава восьмая «Крестины»	57
Глава девятая «Я пойду и возьму свое»	65
Глава десятая «Случилось»	68
Глава одиннадцатая «После»	72
Глава двенадцатая «Год спустя»	76
Глава тринадцатая «Вновь»	80
Глава четырнадцатая «По– настоящему – Её!»	86
Глава пятнадцатая «Скоро в школу»	92
Глава шестнадцатая «Не жалела»	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Нина Романова

Кошки-мышки

Глава первая «Эмма»

Эмма в который раз придирчиво осматривала себя в огромном, в пол зеркала. Платье цвета нежно-розового жемчуга сидело на ней как влитое, мать постаралась, специально поехала в Москву, чтобы купить ей модный и дорогой наряд в столичном бутике.

Эмма поправила высоких хвост из темных завитых локонов, над её прической часа два колдовала Маринка – самый известный в городе парикмахер-стилист, в очередь к которой, записывались за два месяца вперед. У Маринки стриглись и укладывались лучшие люди города – ведущие телевизионных программ, супруга мэра и прочие важные официальные и не сильно официальные лица, неожиданно быстро разбогатевшие за четыре года после того, как советский союз приказал долго жить.

Кто– то за эти годы поднялся, кто– то растерял последнее, а кто– то не выдержал и покончил жизнь самоубийством. Эмма вздрогнула, вспомнив, как к ним приходила милиция по поводу их соседа сверху – шофера, который повесился на люстре, в самом центре зала своей двухкомнатной квартиры.

Вьяснилось, что он месяцами не получал зарплату, а его жена учительница ходила десять лет в одних зимних сапогах, которые, наверное, в молодости купила, чтобы только продержаться на плаву и прокормить мужа, и восьмилетнего сына.

Мать Эммы давала показания, а милиционер быстро записывал в протокол, скупые соседские сведения о повесившемся Алексее, как его характеризует, и в каких отношениях члены их семьи были с этим мужчиной.

Мать, конечно, же, вежливо отвечала, что только здоровались, и поджимала недовольно губы. Пришедший вечером милиционер, помешал её сборам на праздник, посвященный восьмидесятилетию основания ликёро-водочного завода, куда она среди прочих важных персон была приглашена.

Там же Лилия Ивановна наметила познакомиться поближе с коммерческим директором предприятия, так как планировал расширить свою деятельность ещё и сетью уличных ночных киосков, в которых продавалось теперь всё – от сникеров и рулетов до чего покрепче.

Мебель из Кореи Лилия Ивановна возила давно, открыла три шикарных торговых салона в городе, где и выставила пухлые диваны, кресла, кухонные гарнитуры и огромные кровати. Канал с Корейскими поставщиками был отлажен хорошо, с таможней Лилия Ивановна дружила, законов не нарушала и никого не обижала своим вниманием на праздники или работала по спецзаказам, доставляла контейнера

модных спальных или гостиных гарнитуров для своих дорогих друзей.

Но в какой— то момент мать Эммы решила, диверсифицировать свою торговлю и не держать «все яйца в одной корзине», тем более что этот бизнес с киосками у ее подруги Ирки шел очень хорошо, она то и предложила Лилии Ивановне расшириться и развернуться в новой сфере.

Голодные времена, когда мать Эммы была преподавателем колледжа, где готовили плиточников— штукатуров, давно остались позади, и о них Лилия Ивановна предпочитала не вспоминать, как о страшном сне.

Теперь в ее планах было расширить свою жилплощадь и съехать, наконец, из старой советской пятиэтажки в новую четырехкомнатную квартиру, в доме, о котором большинство жителей их городка говорили с придыханием, понимая, что им там не жить, по крайней мере в этой жизни.

И ещё Лилия Ивановна пока никому, даже мужу и дочке не сказала, что вложилась в однокомнатную квартиру на той — же площадке, в этом же доме, купила ее для своей любимой единственной дочки Эммы. Это был ее сюрприз к окончанию университета дочке, ну и хорошее вложение денег, разумеется.

Лилия Ивановна помнила времена, когда они с мужем жили в общежитии для преподавателей техникума, и решила, что пока дают возможность заработать нужно, как говорил киногоерой Гайда: «Ковать железо — пока горячо».

А то, бог его знает, может эти времена, внезапно закончатся, как и начались, как было когда-то с Нэпом в двадцатых годах в Советском союзе, о чем она знала, преподавая историю «олухам царя небесного» в техникуме. Однако, этим мальчикам и девочкам история была не интересна, они шуршали на уроках записками, а потом шли на дискотеку в боевой раскраске, чтобы подцепить «городских» и быстро пристроиться в их тихом городке, подальше от родного колхоза!

Лилия Ивановна стояла в проеме двери, недолго наблюдая, как придирчиво дочь разглядывает себя в зеркало, а потом не выдержала:

– Выглядишь, как будто сама замуж выходишь! Люба будет бледно смотреться в свадебном платье по сравнению с тобой! Что брови хмуришь?

Эмма развернулась на высоченных каблуках– шпильках, которые скрипнули на новом паркете:

– А я хочу, чтобы она выглядела как серая мышь! Она ведь и так серая, бедная церковная мышь! – Эмма топнула ногой с такой силой, что паркетная доска угрожающе хрустнула.

Лилия Ивановна также как и дочь, минуту назад, свела брови:

– Ты так не топай! Знаешь, во сколько мне новый ремонт нашей квартиры обошелся?! Нарядилась, как кукла на свадебной машине! Платье дорогое, прическу и макияж у лучшего стилиста сделала! Если продолжишь губы дуть, дома останешься!

Эмма смотрела на мать, которая была уже при полном параде и стояла теперь в проеме комнаты «руки в боки», яростно сверля ее взглядом.

Эмма знала прекрасно, что мать вспыльчивая женщина, и если она и правда не изменит выражение лица, то точно на свадьбу не попадет. А этого Эмма не могла допустить!

Она должна быть на свадьбе и затмить свою двоюродную сестрицу, которая сегодня выходит замуж за него!

При воспоминании о том, кто жених Любочки, Эмме захотелось закричать, и бесконечно долго топтать ногами по дорожному материному паркету, хотелось, бить подушки и рвать обои ногтями! Именно так она и делала, месяц назад, когда узнала обо всем!

Но сейчас...сейчас ей пришлось сдержаться и ограничиться резким замечанием:

– Да с чего бы! У меня единственная двоюродная сестренка замуж выходит! И, к тому же я подруга невесты! Как я могу подвести нашу дорогую Любочку!

Мать ответила:

– Заканчивай этот цирк, и веди себя нормально! Подружка невесты! Ты её и знать не знала все эти годы! Ни на одно день рождение к ней не ходила! Не пойму, чего тебя понесло в свидетельницы?

Их бурный диалог грозился перерасти в неприятную ссору, но в дверной проем спальни Эммы просунулся отец – от него как всегда приятно пахло дорогим одеколоном, он дав-

но был готов. Отец походил на круглый мячик в светлом костюме и белой рубаше.

Он чудным образом сгреб и Эмму, и жену в охапку и произнес:

– Девочки, не ссорьтесь! Вы у меня такие красавицы. Выйдем на улицу – все мужики голову вам вслед свернут!

После неуклюжих объятий отца, Эмма успокоилась. Она всегда успокаивалась, когда отец находился рядом с ней, неуклюжий, несуразный, но из его голубых глаз всегда струился мягких, греющий душу свет, такой, что все, в чье окружение попадал отец, мгновенно таяли, как мороженко на солнышке, и смеялись от души его простым шуткам и анекдотам с бородой.

Отец был полной противоположностью волевой и взрывной, как ураган матери. Деловой хваткой как выяснилось, он не обладал, но во всем помогал своей Лилечке, где только мог, был у нее «на посылках», но нисколько от этого не страдал.

Работу в проектном институте он закончил, как только институт закрыли, и вполне удовлетворился номинальной должностью коммерческого директора, а по сути шофера на фирме ненаглядной и любимой Лилии Ивановны.

Эмма иногда думала, как могли ужиться две такие противоположные личности, как отец и мать? Она любила отца, конечно, его невозможно было не любить, но ей хотелось, чтобы ее мужчина был совсем другим.

Почти как...

При воспоминании о том, другом, Эмма нахмурилась, но ненадолго, ведь и правда сказала ей подруга Настя, с которой они учились уже пять лет, с самого первого курса института: «Жена – не стенка, можно и подвинуть!»

И со временем она придумает, как это сделать! Ее заставли врасплох, оставалось слишком мало времени, чтобы спасти ситуацию! Но она ведь умная, как все говорят – «в мать пошла». Придумает что–нибудь, главное сегодня на свадьбе продержаться и не сорваться!

Эмма улыбнулась, чуть кривя идеально очерченные розовой помадой и карандашом красивые губы. Ну что же, сестренка – как говорить в детской считалочке «Рыба– карась игра началась!»

Отец, видя, как она улыбается, чмокнул её в щеку:

– Дочуня, ты писаная красавица! На свадьбе все друзья жениха выстроятся в очередь к тебе!

Мать хмыкнула:

– Лёня, я всегда говорила – прекрати засыпать комплиментами дочь! Испортишь! Она и так ничего не ценит!

Отец расцеловал мать в обе щеки:

– Лилечка, девочка моя! Ну, как вас не хвалить! Вы обе красавицы! Особенно ты, милая!

Эмма незаметно усмехнулась, отец, как всегда, своим простодушием потушил взрывоопасный огонек, разгорающийся в матери.

Часто отец исполнял роль громоотводом между ней и родительницей.

Отец посмотрел на массивные наручные часы и крикнул: – Девоньки! Вперед! Иначе опоздаем на выкуп!

Через пять минут они втроем уселись в подъехавшее такси. Пока неслись по городу, Эмма разглядывала недавно появившиеся высотные дома в центре города, вместо покосившихся избушек времен «царя гороха».

На здании бывшей швейной фабрики красовалась вывеска «Торговый центр «Олимп». Здесь у матери на третьем этаже, где когда-то стучали уродливые, огромны швейные машины, оторачивающие края байковых халатов тесьмой, теперь размещался самый большой в городе мебельный отдел.

А на втором и первом этаже швейного предприятия отгородили клетушки отделы, для всех предпринимателей, возивших одежду и обувь с рынков Москвы, Турции и Китая.

Эмма держала букет белых роз, и чувствовала, как неприятно колют шипы цветов, ей очень хотелось избавиться от этого букета, который они от всей семьи скоро преподнесут невесте – ее сестренке Любочке!

Глава вторая «Любочка»

Любочку Эмма почти не знала и не любила, ее мать почему-то не поддерживала близких отношений с родной сестрой Катей, хотя обе жили в одном городе, но могли годами не видеться.

Лишь однажды много лет назад, когда у Эммы было день рождения, и ей исполнилось девять, ее мать пригласила сестру вместе с племянницей на праздник. И у Эммы с того дня сложился образ тихой двоюродной сестренки Любы, которая была на четыре года младше ее.

Пока все дети шумно играли, или бегали вокруг стола, где собрались взрослые, и поднимала тосты в честь ее дня рождения, Любочка тихонько сидела на стуле и перелистывала семейный альбом одна.

Ее мать периодически обращалась к дочери, сверкая загоревшимися от выпитого шампанского глазами:

– Любаша, доча, иди, поиграй с детьми, что ты одна в уголке сидишь?

Любочка сползала со стула, пытаясь присоединиться к общему детскому веселью, но ее никто не замечал, будто она была среди детей невидимкой. И она снова отделялась от шумной толпы детей с красными от бега щеками, которые играли в жмурки, и садилась в уголке гостиной на то же стул, и опять рассматривала фото.

А потом она будто с облегчением пила чай вместе со всеми и детьми, и взрослыми, понимая, что они с мамой вот-вот уже уйдут с детского праздника, где всем было весело, а ей одиноко.

На прощание у порога, мать Эммы сунула сестре пакет с большим куском торта «Медовик», который в то время был ее фирменным произведением кулинарного искусства, и насыпала горсть конфет в тоненькие руки Любочки.

Эмма не хотела их провожать, отвлекаясь от других друзей и одноклассников, пришедших поздравить ее с девятым днем рождения, но мать настояла. Эмма стояла у дверей, провожая тетю и двоюродную сестру Любочку, украдкой оглаживаясь, что там, в комнате делают оставшиеся ее друзья и не затеяли ли очередной веселой проделки?

Когда дверь за грустной Любочкой и тетей захлопнулась, Эмма тут же забыла про обеих и вприпрыжку вернулась к гостям! Взрослые, напившись, чаю, сидели за общим столом и разговаривали, подливая в чайные пары еще по чуть-чуть красного вина, а их дети играли с Эммой в догонялки.

После того дня рождения, Эмма встречалась и с тетей, и с Любочкой мельком, они сталкивались случайно у бабушки, когда Любочка гостила у той по несколько недель.

Эмме же с матерью приходила в гости к бабуле на часик другой, чтобы ее провести и пощипать на огороде свежий лук, собрать смородину или редиску.

Своей дачи, как у тети Кати у них не было, и об этом Эмма

и не жалела. Ей нравилось летом ездить в пионерский лагерь, и там быть настоящей звездой отряда!

Эмма ходила в городской ансамбль народного и эстрадного танца, и ее хореограф говорил матери, что она очень талантлива и ставила ее в первые ряды танцевальных представлений.

Мать шила на электрической швейной машине красивые платья для выступлений, и Эмма слыла модницей и звездой среди сверстников в танцевальной группе, и в школе.

Про Любочку Эмма иногда слышала от отца, который работал в том же проектном институте со своей свояченицей, что племянница целыми днями дома сидит, да книги читает запоем, которые они потом с матерью обсуждают по вечерам. И отец искренне сокрушался: «Ну, зачем Катя из девочки делает затворницу? Не понимаю!»

А мать Эммы отвечала ему: «Лёня, тебе есть до них дело? Пусть живут, как хотят! Катенька ведь у нас всегда правильная была! И чего достигла? Муж и тот, от нее ушел. Сама тихоня, и дочь такая – же! Ни дать ни взять!»

Мать Эммы изредка виделась с сестрой, передавая вещи, из которых уже выросла дочь, и которые стали давно не модными своей племяннице Любочке, за что, сестра благодарила ее, ведь одной поднимать подрастающую дочь становилось все труднее, тем более, когда настали времена гласности и расвала СССР. Когда расформировали проектный институт, где Катя работала, она встала перед фактом, что скоро

она и дочь начнут голодать.

Однажды Эмма услышала, как обычно спокойный отец повысил голос на мать:

– Как ты можешь? Ведь это твоя сестра! И ее сократили так же, как и меня! Устрой ее хотя бы продавцом в свой мебельный отдел!

Мать сразу взорвалась:

– А чего ради, я ей стану помогать? Она мне не помогала! В молодости, мама всё для нее делала! Хочешь в институт – учись в институте! А я?! Мне мама сказала – иди, работай, и потом я пединститут заочно заканчивала, когда уже отпахала три года на фабрике! А теперь, я должна ей помогать?

Отец не сдавался:

– Ты Лиля, человек с пробивным характером и талантом коммерсанта! А Катя – нет! Она обычная женщина и ей некому кроме нас помочь!

Они долго спорили, и, к удивлению Эммы, мать сдалась:

– Хорошо, я поговорю с Ирккой, пусть она ее к себе продавцом, в киоск возьмет!

Отец спросил:

– А почему ты не хочешь устроить сестру в свой отдел в торговом центре? Вечерами около этих киосков забулдыги, да пьяная молодежь собирается! Сколько случаев, что продавцов и грабили, и даже одну убили?

Но обычно горячая и взрывная мать ответила уже ровно, почти без эмоций, и Эмма поняла, что отцу сквозь эту хо-

лодную стену, точно не пробиться.

– Леонид, я так решила. И хватит на этом.

И да, мать попросила подругу устроить тетю Катю продавцом, и та пошла на работу и безумно обрадовалась зарплате, что платила подруга матери, да товаром с истекшим сроком хранения, который хозяйка продавала ей со скидкой.

А Любочке на ее семнадцатый день рождения тетя Лилия подарила старую, ножную швейную машину и несколько журналов «Бурда Моден» с выкройками трехлетней давности. И даже показала, как пользоваться этим старым механическим мамонтом. Но Любочка обрадовалась подарку. Так же, как радовалась, donaшивая за Эммой несколько атласных блузок, сшитых тетей Лилей для дочери несколько лет назад.

С Любочкой Эмма столкнулась снова случайно, они встретились на одной спортивной секции по аэробике, и Эмма узнала в стройной девочке с большими серыми глазами свою двоюродную сестру.

В раздевалке спортивного комплекса девушка надевала знакомую Эмме блузу золотистого цвета.

Любочка изменилась, высокая, тонкая, худощавая, с длинными волнистыми волосами, огромными глазами – ни дать ни взять фотомодель!

Эмма окликнула девушку:

– Люба! Привет!

Любочка вскинула на неё серые глаза, смутилась, сначала не узнав в яркой по последней моде одетой девушке, двою-

родную сестру.

Эмме пришлось представиться:

– Люба, я твоя двоюродная сестра Эмма.

Тогда Любочка робко ей улыбнулась и, отсоединившись от подруги, подошла ближе и сказала:

– Привет Эмма! Мы так давно не виделись, что я...

Эмма закончила:

– Что ты меня не узнала.

Любочка кивнула:

– Ну да, ты как всегда очень красивая! Мама говорила, что юрфак уже заканчиваешь?

– Да, а ты видимо только поступила? В какой институт?

Любочка просияла:

– Я в пед пошла, всегда мечтала выучиться на учителя английского языка.

Эмма, расчесывая длинный черный локон массажной расческой, ответила:

– В школе хочешь работать? Там ведь детки такие наглые и прыткие сейчас, справишься с ними?

Любочка кивнула:

– Ну, обычно на иностранные языки класс на две половинки разделяется, в этом случае точно справлюсь!

Эмма отметила про себя: «А тихушница даже шутить пытается. Ну, ну, посмотрим, сколько ты в школе продержишься».

А вслух произнесла:

— Ладно, сестра, прикольно было увидеться, но меня уже ждут.

И Эмма, подхватив кожаную сумочку и красивый пакет со спортивными лосинами и футболкой, поспешила к выходу, где ее ждал парень на серебристом микроавтобусе «Тойота».

И возможно они бы и дальше мельком встречались на спортивной секции, но случилось то, что развернуло жизнь Эммы на сто восемьдесят градусов!

Несколькими днями позже, она встретила вечером Любочку и Его!

Гуляя на набережной со своим перспективным во всех отношениях парнем Жориком, у которого папа был главным ямокопателем города, как называла его ее мать. А если точнее, он был директором строительной компании, со списанной с реорганизованного советского предприятия почти новенькой японской техникой. Теперь машины исправно трудились на благо его семьи, вгрызаясь в городской асфальт ковшами экскаваторов и погрузчиков, чтобы вырыть котлованы и траншеи под трубы городской канализации.

Папа Жорика уже начал строительство своего коттеджа для семьи, и планировал съехать со своей большой трехкомнатной квартиры, оставив ее в наследство Жорику и его бедующей жене.

Конечно, такие женихи на дороге если и валяются, то крайне недолго, и Эмма под давлением матери согласилась на предложение Жорика стать его девушкой. Не то чтобы ей

было сильно не приятно, Жорик был видным, вполне симпатичным, и тоже подавал надежды стать успешным коммерсантом и продолжить дело отца, тем более, что он, как и Эмма, учился на пятом курсе, только инженерно–строительного факультета.

Эмма стала девушкой Жорика по расчету, но она его не любила.

Она больше никого не любила после того, как другой, любимый, родной, самый хороший и саамы красивый, тот, от которого у нее сердце стучало в сто раз быстрее... ее бросил!

А теперь он стоял на расстоянии шага, и нежно прижимал к себе Любочку, заботливо накидывая на нее пиджак, потому что Любочке стало прохладно!

Эмма встала, как вкопанная, не в силах произнести ни слова! Она почти три года не видела его! Что она пережила, после расставания с ним – не знал никто, кроме близкой подруги Насти!

Глава третья «Три года назад»

Три года назад Эмма была зеленой второкурсницей, но они с подружками, когда шли в институт пятого сентября, в начале учебного года, вели очень странный разговор.

Подруга Ленка сказала:

– Девчонки, мы уже на втором курсе, глазом не успеем моргнуть, как станем старухами пятикурсницами! Давайте прямо сейчас, пообещаем друг другу брать от жизни все, пока молодые!

Эмма спросила:

– В смысле? Пить, гулять и вселиться!?

Лена подтвердила:

– Правильно мыслишь, Тарасова! Именно!

А Настя добавила:

– Чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы!

Они посмеялись, а потом, отсидев скучные пары по обществузнанию, статистике и мировой экономике, отправились вечером на общегородскую дискотеку.

И там, она встретила его! Она сразу выделила парня из яркой толпы танцующих, и не потому, что он танцевал нижний брейк так, что движения остальных мальчиков казались жалкой пародией! И не, потому что он был высоким, темно-волосым и сложенным, как античный бог, такие статуи Эмма

видела в цветных книгах своей матери, когда та ещё работала историком в техникуме.

Мать Эммы была поклонницей эпохи Возрождения и мечтала, как только закроет вопрос с новой квартирой на месяц уехать в Италию – полюбоваться музейными редкостями!

Эмма стояла рядом в кругу зрителей, пока он танцевал, а потом, когда музыка затихла, она громко захлопала и крикнула:

– Парень, тебя не Апполон, случайно зовут?

Все рассмеялись, а он протянул ей крепкую руку. Эмма подумала, что он просто пожмет её кисть или поцелует, как в фильмах. Но он резко притянул её к себе и прошептал на ухо: «Мня зовут Александр».

Вот так и началась их история. Эмма год парила в томном сумраке, встречаясь с ним. Впервые в жизни она теряла слова, чего с ней никогда не случалось, обычно она могла говорить часами, а ее, раскрыв рот, слушали в любой компании, так было ещё со школы.

С Александром, Сашей... всё было иначе. Он стал для неё божеством, мужчиной, о котором она мечтала! Александр был старше на два года, учился на журфаке, и часто ездил в Китай, чтобы практиковать свой китайский и английский и подрабатывал репортером. Ему платили не большие деньги за эти поездки.

Но Эмма, разбалованная матерью, не замечала, что Саша зарабатывает не много, что не дарит ей шикарных букетов

и золотых колечек, и не часто водит в кафе. Ей и не нужно было этого. Лишь бы он оставался рядом. А случалось это не часто. Когда он возвращался в город, Эмма бросала дела, спорт, и встречи с подругами, и даже не появлялась днями на парах в институте.

Ради Саши она начала учить китайский, и он иногда давал ей уроки, исправляя неловкие попытки сказать: «Нихау друг! Добрый вечер». Или еще какую–нибудь ерунду!

Когда Саша исчезал, Эмма забрасывала китайский, который, как она поняла, никогда в жизни не освоит!

Но, как ни странно, сначала, несмотря на их страстные, горячие поцелуи и объятия, Саша не пытался, как многие до этого, затащить ее в постель, подкупая подарками и подношениями. Они просто встречались, и Эмма не понимала, считает ли Саша, ее своей девушкой!

Мать, конечно, заметила, что с ней что–то не так, и однажды вечером устроила разговор:

– Эмма, я понимаю, что ты взрослеешь и встречаешься с парнями.

От неожиданности Эмма зависла, она так скрывала от родителей, что у нее появился Саша! После нескольких секунд молчания он произнесла:

– Мама ты о чём?

Мать, как обычно, вспыхнула как спичка:

– Не о чем! А о ком! Я издавна видела, как ты целовалась с каким–то парнем двадцать минут на детской площадке!

Правда, лицо его не разглядела – он стоял спиной! Но сложен он изумительно хорошо, надо признать. Но на этом его достоинства заканчиваются!

Эмма, взорвалась следом:

– Откуда ты знаешь? Он очень умный, образованный, говорит на двух языках китайском и английском! И он божественно двигается в танце! Ты же всю жизнь восхищалась людьми, способными хорошо танцевать!

Мать скрестила руки на груди:

– Да, восхищалась, но лучше восхищаться такими мужчинами со стороны! А не вляпываться с ними в отношения!

Эмма уже кричала:

– Почему?! С чего это вдруг?!

Мать дышала тяжело, лицо ее покраснело, Эмма поняла, что выводит ее из себя, но останавливаться не собиралась:

– Я не хочу жить со скучными Вадиками, Алексеями и другими сынками твоих перспективных знакомых! Слышишь?! Если бы не их папочки, они бы ничего не стоили!

Но мать не сдавалась:

– Да?! А ты думаешь, что я до самой твоей смерти останусь вечно молодая, сильная и здоровая? И стану обеспечивать тебя квартирами, шмотками, машинами, поездками? Ты не забыла, что поступила на юрфак платно и учишься на этом престижном факультете благодаря моим деньгам?!

Эмма выкрикнула в лицо наступающей матери:

– Да, манала бы я этот факультет! И твои деньги! Если ты

будешь против него, я уйду из дома!

После этих слов, Эмма ощутила резкое дуновение воздуха около своего лица, мать впервые в жизни залепила ей звонкую пощечину и процедила так, что лучше бы накричала, разбудив всех соседей:

– Если ещё раз так скажешь, и правда, вылетишь из дома вон!

И Эмма впервые в жизни по– настоящему испугалась. Вечером она забилась под одеяло и прикинулась спящей, а когда дома все затихли и прекратился громкий шепот отца, который спрашивал в темноту:

– Лиля, что с Эммочкой? Она даже на ужин не вышла? Вы поругались что ли?

Мать так же громко цыкнула:

– Эммочка, как в известной тебе поговорке хочет и на «х..уй сесть, и рыбку съесть»!

От услышанного разговора стало вдвойне обиднее, и Эмма разрыдалась под одеялом.

Спустя несколько дней они с матерью помирились. И мать прочла ей лекцию о видах контрацепции, и сказала, что не будет препятствовать ее великой любви, но если она забеременеет от своего идеала, то может себя считать взрослой и идти с ним на все четыре стороны на вольные хлеба.

Эмма несколько дней ходила, удивляя подруг своим задумчивым видом после разговора с матерью. Но как только в ее жизни вновь появился Александр, вернувшийся из оче-

редной китайской поездки, она сразу полетела навстречу к нему.

И именно тогда, зимой, в декабре, они гуляли по улицам, падал легкий пушистый снег, отражавшийся искорками в свете фонаря, и тогда, в тот вечер, Александр сам предложил ей зайти к нему в гости.

И Эмма пьяная от волнения, выпитого шампанского и возбуждения, долго и горячо шептала его имя: «Саша, Сашаааа, да... Сашенька...».

После пролетел безумно приятный месяц, когда они были вместе, и она уже представляла, что, в феврале он сделает ей предложение, но к ее разочарованию, Саша не попросил ее руки. Он уехал в очередную поездку.

И тогда она решила, что сделает всё, чтобы он ревновал! И стала встречаться с его лучшим другом, который давно делал ей недвусмысленные намеки.

Настя, однажды сказала ей:

– Эмка, притормози. Ты что, с цепи сорвалась?

А она ответила:

– Я хочу, чтобы Саша ревновал меня! Хочу, чтобы ползал передо мной на коленях!

Настя качнула головой, вызывая волнения в золотых кудряшках:

– Ты дура Тарасова, или прикидываешься? С его лучшим другом встречаться и спать не самый прикольный вариант!

Эмма шикнула:

– Будет так, как я хочу!

На них оглянулось несколько девушек из параллельной группы, сереньких мышек, как они их называли. Эмме хотелось хлопнуть их толстым учебником по экономике, чтобы не тарасились!

А Настя, понизив голос сказала:

– Ты точно сумасшедшая!

Через два месяца после той самой пары по экономике, Эмма поняла, по сбившемуся женскому календарю, что доигралась, и что она и правда полная дура! Пройдя гинеколога, узнала, что беременная!

Конечно, Эмма не могла долго скрывать свое положение, она решила, что мать, если узнает о беременности, выставит из дома. Поэтому Эмма выбрала момент, когда мать с отцом отправились в очередную поездку в Корею, чтобы выбрать новую мебель для особо почетных и дорогих во всех смыслах клиентов, она встретилась с подругой Настей. Сидя у нее в комнате и слушая песни Стинга, Эмма ревела, не стесняясь, и, в конце концов, выдыхая из себя хриплый всхлип, Эмма произнесла:

– Настя, ты говорила, что твоя сестра, ну ...два года назад... сделала медикаментозный аборт.

Настя сначала орала на нее, что она точно дура! И что если беременность первая, то она может никогда не родить! И что, если мать выгонит из дома, то проживет у них с сестрой в квартире, благо, что их родительница стюардесса и посто-

янно мотается в рейсы! И Эмма никому не помешает!

Но Эмма закрыла уши и прокричала:

– Нет! Я приняла решение! Это не его ребенок и я не буду его рожать! Саша меня возненавидит, если узнает!

В день, когда она сделала аборт, ласково грело солнце, на дворе пели птички, таяли лужи, наступала весна... А она вышла из больницы, под руку с подругой Настей, которая дотащила ее до такси. Кружилась голова, а в центре тела образовалась ледяная пустота.

А через месяц Эмма слышала от общих знакомых, что Саша, узнав, с кем она ему изменила, уехал в Москву, даже не встретившись с ней! Как будто ее в его жизни никогда не существовало...

Глава четвертая «Накануне»

И вот, почти три года спустя она снова увидела его! Саша холодно поздоровался с ней и дежурно спросил, как дела.

А Любочка наивно поинтересовалась:

– Саша? Вы с Эммой знаете друг друга?

И он ответил, глядя только на Любочку:

– Мы учились в одном институте.

Эмме хотелось зло прибавить: «И еще тра..ись». Но она усилием воли сдержалась и даже пошутила:

– Наш город маленький, почти все как родные.

Но Люба прибила ее наповал одной лишь фразой:

– Эмма, мы с Сашей решили пожениться. Сестренка, ты первая, кто об этом узнал!

До Эммы смысл фразы сестры дошел не сразу, Эмма оперлась о парапет и вцепилась ногтями в цементное ограждение. Она встретила глазами с Александром, но он смотрел на нее как на давнюю знакомую или троюродную сестру. И произнес:

– Я не знал, что вы сестры.

Любочка была разговорчива, как никогда, она радостно прощбетала:

– Эмма, мы приглашаем тебя, тетю Лилию и дядю Лёню на свадьбу. Я как раз сегодня вечером открытки купила, и завтра лично всё подпишу и передам тебе!

И еще, ты согласишься быть моей подругой? То есть... подругой невесты? То есть меня...

Эмма прервала:

– Ты хочешь, чтобы я стала твоей дружкой?

Любочка с облегчением кивнула:

– Да!

Эмма сама не понимала, почему согласилась стать подругой невесты на свадьбе того, о ком она ревела месяцами, втайне ото всех! Кого проклинала и снова любила, пока, наконец, не настало в душе совершенное равнодушие. И Эмме казалось, что она переболела, что он исчез, испарился из ее сердца!

Но стоило снова его увидеть... Говорят, время лечит, но три года с момента их расставания видимо, для времени показалось мало. Эмма рассматривала с жадностью его лицо, пока обычно молчаливая Любочка щебетала как ненормальная:

– Эмма, я так рада! Эмма, не представляешь!

Саша немного изменился, его длинные волосы, спускавшиеся раньше до плеч, теперь были коротко стриженные, взгляд стал совсем взрослым, уверенным. Сколько ему сейчас? Двадцать пять? Чем он занимался в Москве? Почему вернулся? И почему так случилось, что он сделал предложение этой простушке Любочке? Почему?! И как они вообще встретились?!

Эмме хотелось там, на набережной топтать ногами и крик-

нать Любочке: «Заткнись дура! Я не хочу быть твоей дружкой! Я хочу быть его женой!»

Но Эмма, сделав над собой усилие, еще минут пять что-то говорила, потом распрощавшись с двоюродной сестрой и с ним, прошла квартал от набережной, вышла на улицу Ленина и, поймав такси, сразу отправилась к Насте. Домой было нельзя! Потому что опять, как и три года назад ее душили слезы!

Эмма проревела у подруги до утра. А потом начался обычный день понедельника, нужно было идти в институт, на кафедру к руководителю дипломного проекта, чтобы в последний раз пробежаться по замечаниям и всё поправить, ведь защита диплома намечалась через неделю.

Эмма рассеяно слушала поправки доцента кафедры юриспруденции Анатолия Михайловича, она только кивала головой, но мысли витали уже за несколько километров от института.

И как только встреча с преподавателем закончилась, Эмма рванула по адресу, упоминание которого таксисту заставило ее сердце биться с бешеной силой! Она точно не знала, живет ли теперь он именно в этой квартире? Но чувствовала, если ничего не сделает, то разорвется в клочья!

Когда поднялась на пятый этаж, нажала кнопку звонка, живот сжался, дыхание почти прекратилось! А вдруг его там нет?!

Но дверь через некоторое время открылась, и Эмма уви-

дела его! Близко! Обнаженного по пояс! После душа капельки воды ещё не высохли на его темных волосах, и блестели на смуглой коже как роса.

Она сглотнула и вошла без приглашения, а он впустил ее и ждал, когда она заговорит первой! И Эмма заговорила, путано, почти бессмысленно, не так как готовилась сказать – взвешено и холодно!

Её голос становился всё громче:

– Как ты мог? Почему эта...почему эта серая мышь? Ты же мне говорил, что я....Только я...Что мы вместе...И что я...И мы...И я создана для тебя...И только я смогу...!

Он жестом пригласил ее в комнату. Сел в кресле напротив нее и произнес:

– А теперь послушай меня.

Он разглядывал ее с особым вниманием, как будто видел впервые, и в его темных глазах не светился страстный огонь, который раньше зажигался, когда она была рядом с ним. Теперь его глаза внимательно, спокойно изучали ее.

Эмма сжала кулаки, ноги пружинили, чтобы подскочить и кинуться к выходу, но Эмма понимала, что, хлопнув дверью – точно проиграет. Она вцепилась в мягкие подлокотники, удерживая себя на месте.

Затянувшаяся пауза закончилась его фразой:

– Ты спрашиваешь, почему я сделал предложение твоей сестре, а не тебе? Все очень просто. Три года назад, я сходил от тебя с ума! Меня охватила такая страсть к тебе, что я ни-

кого и ничего не видел вокруг. Но ты вылечила меня сама, когда переспала с моим лучшим другом.

Эмма на минуту замерла, внутри всё мгновенно вскипело:

– Ты разве не играл со мной в кошки– мышки? Разве не исчезал раз за разом!? А потом как ни в чем не, бывало, появлялся спустя месяц! И не думал, что мне больно, когда ты не со мной?!

Эмма смотрела на него в упор и заметила, как на долю секунды в его глазах вспыхнул огонь. Но его голос прозвучал очень спокойно:

– Я не раз тебе говорил, Эмма, что езжу в Китай по делам, моя профессия – журналист.

– Да?! Только поэтому?! Ни за что не поверяю, что за месяц практики, ты не находил возможностей...

Он прервал её:

– Эмма, прекрати. Мне не нужны ссоры с тобой. Ты такая же маленькая девочка, которая не доверяет своему мужчине. Которая закатывает истерики, и которая хочет, чтобы все выстраивалось так, как ей нравится. Переспав с моим лучшим другом, ты совершила большую глупость, также как и он.

Эмма вскрикнула:

– Это всё не правда! Я только хотела, чтобы ты меня замечал!

– Ревновал, ты хочешь сказать? У тебя тогда это получилось, Эмма. Сейчас для меня ни ты, ни он больше не суще-

ствуετε.

– Ты не можешь так со мной! – выкрикнула Эмма.

Он встал с кресла и, отвернувшись, произнес:

– Мне не нужна женщина, которой я не могу доверять.

Уходи.

Эмма поднялась и на трясущихся от слабости ногах подошла к нему, почти что, не дыша, боясь, что он услышит ее шаги. Подошла сзади и прижалась к нему всем телом, ее руки скользи по теплой коже, пальцы путались в волосах на груди, внизу живота рождался медленный горячий огонь, растекаясь словно лава! Эмма чувствовала, что вот– вот взорвется, но не от гнева, а от нарастающего возбуждения!

Прошла минута или две, а может быть целая вечность, он разжал ее руки, и резко развернув к себе лицом, холодно произнес:

– Уходи.

Эмма не понимала, почему он ее отталкивает, она крикнула:

– Зачем она тебе? Ведь ты меня хочешь! Мы оба этого хотим!

Но он только усмехнулся:

– Мне не нужны истерики, Эмма. Мне нужна нормальная, спокойная жизнь, с женщиной, которой я могу доверять, и которую я люблю.

Эмма засмеялась, она давилась своим смехом, выговаривая слова по слогам:

– Любишь? Эту... Эту ти– ху– ш– ницу? Эту простуш– ку? Да с ней же ...с ней же не о чем говорить! И вообще ты с ней... Ты с ней хоть... переспал перед свадьбой? Или она... такая вся...

Он схватил ее за локоть и потащил к двери:

– Я не позволю ее унижать! Понятно тебе?! И ты права – она необыкновенная, и точно умеет любить!

А потом он выставил ее за дверь, почти что выкинул, как паршивого, облезлого котенка! Эмма закричала:

– Ненавижу тебя! Будьте вы оба прокляты! Ненавижу!

Потому кружила по городу лихорадочно, то садилась на один автобус, то выходила и садилась на второй, то шла по улице, не разбирая дороги, натываясь на прохожих, и огрызаясь на их замечания.

А потом направилась на набережную, и, спустившись к реке, долго стояла и смотрела на воду... По лицу катились слезы, она будто не чувствовала тела, и себя, пока не услышала тонкий детский голосок:

– Тетя, на...

Эмма посмотрела вниз, около нее стоял мальчик лет пяти с лопаткой и ведерком для песка и протягивал ей свои игрушки:

– Не плакай.

Глава пятая «Выкуп»

На его свадьбу, тем более в роли дружки ненавистной теперь двоюродной сестры, Эмма идти не хотела.

Уговорила её, как ни странно, мать, которая, получив приглашение от сестры сказала:

– Ну, надо же! Наша тихушница Любочка вперед тебя замуж выскакивает! А ты дочь, все время говорила, что эта серая мышка в девках останется! А вот смотри! На первом курсе института замуж выходит! Да и жених, Катя сказала, на семь лет её старше. Но профессия у него так себе, не люблю журналистов.

Выслушав длинное рассуждение матери, Эмма ответила:

– Мне нужно самое красивое платье.

Мать спросила:

– Хочешь невесту затмить? Ведь, не у тебя свадьба? Но, я не удивляюсь – моя дочь всегда хочет выглядеть звездой! Ладно, слетаем с Иркой в Москву, тем более что и мне нужно купить новое вечернее платье.

В день свадьбы, тридцатого июля тысяча девятьсот девяносто пятого года, Эмма вышла из такси вместе с родителями, поднялась на третий этаж панельной пятиэтажки, стены которой были выкрашены наполовину в синий цвет, наполовину выбелены, и украшены плакатами с надписями, что повесили подруги Любочки ещё с утра: «Даёшь, молодёжь!»,

«Даём перевыполнение демографического плана!». Воздушные шары, изрисованные сердечками, колыхались на окнах подъезда.

Когда вошли в квартиру, и Эмма увидела сестру в наряде невесты, ее бросило в жар! На месте Любочки в белом кружевном платье должна быть она!

Эмма рассмотрела красиво покрашенное, по- детски счастливое лицо сестры, которое хотелось расцарапать ногтями! Но вместо этого она выдавила:

– Привет сестра! Выглядишь, как принцесса.

Толпа подружек Любочки, таких же наивных вчерашних школьниц, одетых в праздничные платья щебетали не переставая:

– Любочка, ты красавица! Оставайся тут, а мы спустимся вниз!

Одна из подруг посмотрела в окно и заторопилась:

– Жених приехал! Девчонки за мной!

Все дружно кинулись к выходу, Эмма пропустила малолетних подруг сестры и спустилась последней.

Её Саша с друзьями вышли из машины. Он нес огромный букет нежно– розовых роз. Эмма, глядя на цветы подумала, что он никогда не дарил ей розовые розы...

Одна из подруг Любочки, кажется, ее Маша звали, сразу взяла инициативу в свои руки:

– Ну что, дорогой жених! Мы просто так нашу красавицу и умницу не отдадим! Тебе предстоят испытания!

Она выхватила из папочки листок, зацелованный девичьими губами, помадой разного цвета и, выставив его перед Сашей, продолжила:

– Угадай, какой поцелуй принадлежит твоей невесте?

Саша указал на розовый отпечаток губ:

– Вот этот.

Все захлопали в ладоши, а Маша продолжила:

– Молодец! С первого раза! А теперь задание сложнее!

Пронеси свидетеля с первого этажа на второй и ответь на вопрос!

Эмма посмотрела, на друга Саши – такой же рослый и высокий, и усмехнулась про себя: «Нелегко такого тащить!»

Друг взгромоздился на Сашу и незаметно ему помогал, пока тот переступал со ступеньки, на ступеньку отвечая, что любимый цвет его невесты – синий.

Задание ему засчитали, но так как друг чуточку помог, назначили штраф – две коробки конфет! Саша вынул из пакета «Птичье молоко» и «Ассорти», и девчонки, получив сладости удовлетворенно закивали.

На следующем пролете лестницы Саша пел песню: «Ой, мороз, мороз!», а у двери квартиры отжался несколько раз, чтобы его, наконец, впустили к невесте!

Эмма стояла в гуще праздничной, ярко одетой толпы, в маленькой квартире тети Кати. И видела только, как ее Саша подходит к невесте, поднимает фату и целует ее!

Приглашенные гости разлили в бокалы шампанское, рас-

крыли коробки конфет. Все смеялись, а Эмма – звезда любой компании, стояла вне этого веселья.

Она всё еще не верила в происходящее, пока в Загсе не услышала его «Да» на вопрос нарядной одетой тетки с высокой, торжественно прической: «Согласен ли вы Александр Вересов взять в жены Любовь Орлову?».

Эмма чувствовала, как сжали ноги новые узкие, модные туфли, как не дает дышать корсет самого красивого платья, как ей хочется содрать с себя праздничные наряды, смыть лак с прически и, уткнувшись в подушку рыдать до утра!

Но она стояла рядом с Любочкой на правах дружки и ослепительно улыбалась в камеру, так, что фотограф, щелкнув несколько общих кадров с гостями, сделал ещё десяток кадров исключительно с ней и невестой.

На выходе из Загса Саша нес на руках Любочку, и от Эммы не ускользнул его счастливый, влюбленный взгляд, устремленный на жену.

На молодую пару и на Эмму с другом жениха летели монетки, рис, сердечки из блестящей бумаги от выстроившихся тоннелем гостей, пока они спускались со ступенек Загса. В довершении ко всему жених и невеста выпустили в небо пару белых лебедей.

Тетя Катя расплакалась!

А потом вновь наливали шампанское и кричали поздравления, ели шоколадные конфеты и бутерброды с копченой колбасой.

Эмма уже приготовилась садиться в машину невесты, как увидела, что к ней, чуть не вприпрыжку бежит Жорик!

Она оглянулась и фыркнула на мать, а та ответила:

– Я его пригласила! И нечего на меня так смотреть!

Все памятники города, куда обычно устремлялись свадебные кортежи объехали за два часа. И Эмма, выходя из машины, теперь встречалась с Жориком. Тот, выпив несколько бокалов шампанского, шумно шутил и прижимал ее за талию, за что Эмма ненавидела его всей душой!

Но встречая восхищенные взгляды первокурсниц, подружки Любочки Эмма широко улыбалась, все ведь знали, кто такой Жорик, а вернее кто его папа, городок у них был маленький, и наверняка многие мечтали дружить с таким парнем!

И Эмма вошла в роль, согнала оцепенение, охватившее ее с утра, и сделалась самой красивой, яркой и остроумной дружкой на свадьбе.

Она участвовала во всех конкурсах, гости аплодировали ее умению танцевать, а свадебный фотограф извел на нее целую пленку! А под конец празднества, когда Любочка, встав спиной к девушкам, кинула свадебный букет, Эмма его поймала.

И выпив очередной бокал шампанского, громко произнесла:

– Жорик, ты ведь давно этого хотел?

И Жорик, будучи изрядно навеселе, не спускавший с неё взгляда весь праздник мгновенно протрезвел. Он взял мик-

рофон у тамады и произнес:

– Эмма, ты согласна выйти за меня замуж?

И она весело и громко ответила:

– Да! Я согласна!

Гости в зале заулюлюкали и зааплодировали, и тамада зычно произнесла:

– Какая у нас сегодня замечательная свадьба! Ещё пара молодоженов образовалась! Ура! Поздравляем!

Эмма фотографировалась со всеми и Жориком с букетом невесты, а рядом с ней стояла раскрасневшаяся Любочка и Её Саша.

Эмма лишь раз посмотрела на него, но не увидела того, что хотела... Он по– прежнему, нежно смотрел на Любочку, теперь уже свою жену.

И Эмма пожалела о сделанном, ей хотелось выкинуть свадебный букет в ведро, отлепить от себя Жорика и улететь в открытый космос!

Свадебно гулянье угасло через час, гости разошлись, просмотрев праздничный фейерверк, и съев на прощание кусок роскошного торта.

Эмма, добравшись до дома, еле распрощавшись с Жориком у подъезда, поднялась в квартиру вместе с родителями, скинула и тесные туфли, и платье с тугим корсетом, и повалилась на широкую кровать, выдергивая шпильки и заколки из волос.

Обняв себя, она дала волю слезам, уткнувшись в подушку,

чтобы ее никто не слышал.

Глава шестая «Я хотела бы пригласить тебя завтра на чай»

Через год Любочка родила мальчика и навала его Мишей. Выписавшись из роддома, некоторое время спустя, когда первые домашние хлопоты, связанные с появлением малыша более– менее улеглись, она позвонила двоюродной сестре:

– Эммочка, сестренка, привет! Я бы хотела пригласить тебя завтра на чай, – Любочка поспешно добавила, – Если у тебя нет срочных дел.

Эмма усмехнулась про себя: «Какая любезность и предупредительность! Но почему от этой любезности и застенчивости двоюродной сестры её начинает тошнить!»

Но в трубку Эмма произнесла:

– Люба, завтра никак, много дел на фирме, но в четверг после работы зайду.

Эмма не стала уточнять, удобно ли Любочке в четверг, она точно знала, что сестра на ее предложение всегда ответит «да».

Со дня Любочкиной свадьбы повелось, что сестра стала считать ее не только родственницей, с которой она раньше встречалась раз в пятилетку и то случайно! Теперь Любочка стала считать ее подругой!

Эмму это обстоятельство одновременно и радовало, и раз-

дражало. Радовало тем, что теперь она в любое время могла прийти к сестре и возможно, встретиться с Сашей!

Пока Любочка была беременна, Эмма часто к ним навещалась, стараясь отыскать хоть малейшее неудовольствие у Саши по отношению к жене. Хотя бы малейшее раздражение или разочарование от того, к примеру, что Любочка растолстела, стала неуклюжей, как бегемот и отекающей, она часто теперь лежала на диване неловкая и неповоротливая.

Но Саша заботливо поправлял плед, когда Любочка улыбаившись, говорила ему, что у неё замерзли ноги, и не мог бы он ей помочь и принести из шкафа носки. Саша приносил носки и надевал ей на ноги, растирая перед этим ее ступни.

Смотреть на это Эмме становилось невыносимо! Ведь Эмма, как говорили окружающие, превратилась в совершенную красавицу, а Саша не замечал её и ухаживал за своей Любочкой!

Эмма вышла замуж за Жорика, стараясь отомстить Саше, но никто об этом не знал. Тесть устроил Эмму в юридический отдел своей компании, чтобы она набиралась опыта в реальном производстве.

Лилия Ивановна, конечно же, одобрила решение дочери стать женой одного из самых перспективных парней города с очень приличным приданным!

Когда гуляли на их свадьбе в лучшем ресторане города, Эмма постаралась выглядеть так, что хоть на обложку свадебного журнала её фото помещай! Но не ради Жорика, а

ради пришедших на её свадьбу Саши и Любочки.

И в какое— то мгновение она поймала мимолетный и напряженный взгляд Саши, он будто оценивал её, но не как хрупкую и прекрасную невесту, а как проститутку... Эмму обдало жаром, она чувствовала едкий триумф и одновременно отвращение к себе, будто она и правда не выходила замуж, а выставляла себя напоказ в разных ракурсах только для него!

Ее красота была провоцирующей и сногшибательной! Подруга Эммы, Настя, прошептала ей на ухо:

— Эмка, мне кажется, в этом зале любой мужик уже жалеет, что не жениться на тебе.

Эмма ответила подруге:

— Надеюсь так оно и есть! А ты дорогая, пользуйся случаем! Когда ещё в одном месте столько породистых парней найдешь!

Настя усмехнулась и, чмокнув её в щеку, приняла приглашение на медленный танец от мальчика, чей папа выкупил недавно за ваучеры бывшую продовольственную базу и сдавал теперь площади в аренду мелким и средним предпринимателям.

Эмма, помахав подружке, снова мельком взглянула на Сашу. Ее сестра Любочка в этот момент заботливо подкладывала ему салат, а он поймал ее руки и поцеловал тонкое запястье. Этот интимный, почти мимолетный жест обжег Эмму больше, чем, если бы Саша целовал Любочку в губы!

Эмма свела брови, но Жорик, участвовавший в очередном конкурсе тамады, вернулся к ней и гости закричали в сотый раз: «Горько!»

У Эммы болели губы от поцелуев Жорика, что и говорить, целоваться он не умел, так что ей приходилось терпеть, а потом улыбаться гостям!

Любочка и Саша подошли к ней, и Саша произнес:

– Эмма, желаю тебе и Георгию счастья. Мы с Любой домой, а вам хорошо повеселиться!

Любочка обняла её и расцеловала в обе щеки:

– Сестренка, ты такая красивая! Как принцесса из Букингемского дворца! Я так рада! И такой невероятный праздник! Все очень красиво!

Жорик притянул Эмму за талию, его щёки пылали от выпитого спиртного и от веселья, и он был необычайно горд и счастлив, что Эмма стала его женой!

Эмма хотелось оттолкнуть его! Хотелось крикнуть: «Саша, не уходи! Проводи свою жену и возвращайся!»

Но Эмма сдержалась, она резала огромный в три яруса торт, украшенный сахарными орхидеями, кидала букет невесты, который поймала ее подруга Настя, и ещё час изображала счастливую жену для собравшихся людей.

Первой свадебной ночи у нее с Жориком не случилось, он, коснувшись подушки, захрапел, а Эмма долго стояла посреди шикарного номера молодоженов, и глядя на себя в многочисленные зеркала представляла, как бы Саша медленно,

пуговка за пуговкой расстегивал платье и миллиметр за миллиметром прикасался мягкими губами к обнажавшейся коже плеч, груди, талии...

Она прикрыла глаза, чувствуя, как наяву его ласки, пока в номер не раздался стук, вернувший ее в реальность!

Она открыла дверь – в коридоре мялся молоденький официант со столом на колесиках, полный всяких вкусностей, увенчанный бутылкой шампанского в серебристом ведре со льдом. Мальчишка смотрел на неё во все глаза, и Эмме стало жаль его.

Она попросила закатить столик в номер, порылась в сумочке и протянула купюру чаевых. Мальчишка замотал головой:

– Нет, не надо, вы просто, вы такая красивая... Ой, простите...

Эмма впихнула деньги в руку официанта и произнесла:

– Спасибо за комплимент.

Когда дверь номера за парнем затворилась, она долго снимала платье сама, путаясь в мелких пуговицах корсета, и ещё час отмокала в ванной, смывая косметику с лица. Обернувшись в гостиничный, мягкий халат она села в кресло и наблюдала в окно первые лучи рассвета, потягивая ледяное шампанское из тонкого бокала.

А потом настали будни, и Эмма решила, что, если жизнь потекла именно так, нужно взять от жизни всё! И она брала! Устроившись в юридический отдел строительной компа-

нии тестя, быстро вникла в суть документов и договоров, касательно деятельности компании, и уже чрез год стала заместителем начальника этого отдела.

И если сначала до неё долетали слухи, будто она выскочка и наверняка ничего не смыслит в договорах и делах фирмы, и что, наигравшись, через месяц другой бросит работу и будет ходить по салонам и маяться дурью. Но сплетники прогадали.

Эмма, как и ее мать, имела деловой склад ума, и быстро вникла не только в юридические нюансы, но и училась выстраивать деловые связи, решая кому, когда и что подарить или оказать полезную услугу.

Тесть был ею доволен больше, чем сыном Жориком. Тот, хотел заниматься только производством, и то, не каждый день. Жорик не рвался в лидеры, наоборот, он перед всеми хвастался своей умницей и красавицей женой, добавляя, как ему казалось, прекрасную шутку: «А я простой работяга в компании отца, и мне это нравится!»

Эмме льстило, что тесть очень высоко ее ценил. В каком-то разговоре он даже намекнул, что возможно, в скором времени откроет ещё одну компанию, и сделает там Эмму директором.

Через год после замужества, Эмма, встречаясь с подругами говорила:

– Никогда не думала, что мне так понравится юриспруденция и мне захочется управлять строительной компанией!

Ленка, которая после окончания института всё ещё не могла найти нормальную работу, и занималась то отсвечиванием сертификатом в торговой компании, то работала в городской администрации в архивном отделе, где платили копейки, вздыхала:

– Эмка, ты родилась с «золотой ложкой во рту»! Если бы не твой тесть, то бегала бы по городу в поисках вакансий в наше время, когда все предприятия закрылись и зарплату по три месяца задерживают!

Эмма и ухом не повела на замечании однокурсницы, только ответила:

– Лена, ты же прекрасно знаешь, что работа юриста не для тебя, ты рисуешь классно, могла бы дизайнером стать!

Ленка закатила глаза:

– Ну да! Швей из дома подрабатывать?

Эмма продолжила:

– А если и так? Сначала из дома, потом сняла бы помещение, потом наняла бы людей.

Настя, которая попивала второй коктейль «Оранж» прервала их диалог:

– Девчонки, не спорьте! Жизнь прекрасна!

Лена хмыкнула:

– Конечно, тоже отхватила себе жениха у Эмки на свадьбе! Катаешься теперь в Китай каждый выходной!

Настя добродушно улыбнулась:

– Лена, на втором курсе ты сказала нам, что нужно жить,

чтобы потом не было мучительно больно...

Ленка прервала:

– Так это было на втором курсе! А сейчас нужно о карьере думать и как деньги заработать!

Настя откинулась на спинке плетеного стула, кончики ее светлых волос доставали чуть не до пола, и она, покачивая ногой в красной туфле на шпильке, заявила:

– Ленок, давай мы тебя замуж выдадим! Подобреешь сразу!

Лена хмыкнула:

– Ага, чтобы ещё и мужу сопли вытирать.

– Ну, какая ты вредина стала! – Настя выровнялась на стуле, – Швейей становится – не хочешь, замуж не хочешь! Тогда придумывай, как будешь жить дальше сама! Не грузи!

Вечер продолжился, они втроем, как обычно веселились до утра. Благо, что была суббота, и Эмма не беспокоилась, что придется с больной головой идти на работу.

Не беспокоилась она и Жорике, он не упрекал её ни в чем! А забирал около ночного клуба под утро с девичника, да ещё и доставлял на машине до дома Ленку и Настю.

Всё складывалось прекрасно в жизни Эммы, кроме самого главного – она не любила мужа, терпела его близость и неловкие ласки. Когда Жорик засыпал, она, прикрывая глаза и лаская себя, думала о Саше. Он и Любочка жили на другом конце города, в кирпичной девятиэтажке. Квартира досталась Саше в наследство от матери. Саша стал мужем Лю-

бочкой!

И она, Эмма, приходила к ним, чтобы подсматривать за их жизнью! Как вор, украдкой из— за угла! После таких визитов ей становилось гадко! Противно!

На невинный вопрос Жорика, не пора ли им ребеночка родить? Эмма как— то рявкнула:

— Нет! Я хочу сама насладиться жизнью!

Жорик испуганно отпрянул тогда от нее, его широкие плечи сгорбились, и он примирительно забубнил:

— Эммочка, ладно, не злись! Я так... Хочешь позже детей — давай позже. Действительно, поживем сейчас для себя!

А потом, помолчав, добавил:

— Хочешь, Европу поедem? А? В Италию?

Эмма прикрыла глаза, представляя, как они ходят по музеям с Жориком. Где Жорик, а где шедевры Итальянского Возрождения?! Но через паузу она сказала:

— А давай! Мама давно мечтала о поездке в Италию! Давай поедem вчетвером — ты, я и мои родители!

Жорик просиял:

— Эммочка, ты моя умничка! Конечно! На какое число путевки взять?

Эмма, засыпая после неуклюжего барахтанья с мужем, думала, уставившись в потолок, что ее муж тюфяк, и как же он не понимает, что она хочет пригласить родителей, только бы меньше оставалось времени, чтобы оставаться с ним наедине!

Она заснула, и ей привиделось, как она снова идет на аборт, как отвечает утвердительно на вопросы акушерки, что дает согласие на процедуру, и какая у нее группа крови... а потом проваливается в наркотическую черноту, а потом ...

Эмма вскрикнула во сне. Когда распахнула глаза, увидела нависшего над ней Жорика, он квохтал как курица:

– Эммочка, что случилось? Ты горишь вся! Давай врача вызову!

Эмма резко села на кровати, волосы прилипли к вискам, она прошептала в пустоту:

– Это просто кошмар, успокойся!

А утром следующего дня позвонила Любочка:

– Эммочка, сестренка, привет! Я бы хотела пригласить тебя завтра на чай, – И поспешно добавила, – Если у тебя нет срочных дел.

Глава седьмая «Прочь!»

Любочка пригласила ее на чай не просто так. Она попросила Эмму стать крестной мамой новорожденному Мишеньке.

Эмма, глядя как Любочка меняет пеленки малыша, смотрела с отвращением на его маленькие, покрытые красными пятнами ножками, которыми он беспорядочно дергал. И ей хотелось заткнуть уши, когда он расплакался!

А Любочка с нежностью глядела на сына и ворковала:

– Ну что плачешь, кушать хочешь? Кушать захотел сладкий?

Она повернулась к Эмме растрепанная, длинные волосы наспех зачесаны в высокий неряшливый хвост, домашний халат в мелких пятнах от грудного молока...

Любочка стесняясь ее присутствия, одной рукой расстегнула несколько пуговиц халата, и малыш тут же присосался к груди, он водил маленькими кулачками по телу матери, а Эмма думала, что он похож на сморщенный кусочек мяса с темным пушком волос на темечке...

Никакого желания взять на руки младенца у Эммы не возникало. Когда Любочка покормила сына и уложила, наконец, в кровать. Эмма произнесла:

– Хорошо, я буду крестной твоему сыну. Когда хочешь назначить крестины?

Любочка просияла:

– На следующую субботу! Саша ходил в храм, и представляешь, нам повезло, хотя там столько желающих было! Я так волнуюсь, знаешь, хотя и лето, июнь на дворе! Переживаю за Мишеньку, вдруг ему холодно будет, или сквозняк, или... Мы с ним ведь только в поликлинику и обратно! Да во дворе недолго гуляем...

Эмма слушала набор Любочкиных слов, и ей казалось, что конца этому не будет. И что она ее раздражает своим квохтаньем! И постоянной поговоркой: «Сашенька то, Сашенька сё».

Но Эмма пила чай с печеньем и терпеливо слушала, как Любочка рассказывает во всех подробностях, чем заняты теперь ее дни, как Мишенька кушает, как гукает, как какает, как срыгивает!

Эмма давно бы прервала этот разговор, если бы не услышала от Любочки:

– Ой, скоро Саша вернется с работы! Я ему сегодня котлеты из минтая приготовила! Представляешь, купила на рынке такой чудесный фарш!

Эмма слушала Любочку и не могла понять, за что Саше ее так любит? Ну, за что? За рыбные котлеты? За орущего младенца? За ее спутанные пряди? За что?!

Когда раздался стук в дверь, Любочка поспешила навстречу мужу и Эмма услышала:

– Сашенька мой пришел! Как я соскучилась!

И его мягкий голос в ответ:

– Не представляешь, как я по вам обоим соскучился! Что мой сын делает?

Любочка ответила:

– Спит, только его покормила.

А он ответил:

– Отлично, один мужчина уже сыт! Теперь осталось второго без ужина не оставить! Очень вкусно пахнет, между прочим! Но для начала я съем тебя!

Смущенный голос Любочки задрожал:

– Саш, у нас гости. Я Эмму пригласила на чай.

И повисла тишина. На минуту или две. Хлопнула дверь ванной комнаты, и Любочка вернулась на кухню:

– Сейчас поужинаем вместе! Ты, наверное, проголодалась? Сразу с работы ко мне?

Эмма встала с табурета:

– Люба, все нормально, я поеду домой, муж ждет.

Любочка всплеснула руками:

– Эмма, давай я Сашу попрошу, чтобы он отвез тебя на машине? Тебе ведь добираться до вашего коттеджного поселка через весь город!

Эмма хотелось сказать: «Давай! Я очень хочу, чтобы твой муж отвез меня на машине! Только не домой!»

Когда в кухню вошел он, Эмма на минуту забыла про Любочку, она рассматривала его лицо с отросшей щетиной, уставшие от недосыпа глаза, ей хотелось крикнуть ему: «За-

чем ты женился на ней! У тебя со мной было бы всё! И ты бы не подсказывал по ночам к ребенку! У нас была бы няня! А мы бы...мы бы с тобой...».

Но Саша лишь мелком взглянул на нее, произнося:

– Привет, Эмма.

Будто она была просто соседкой, зашедшей к жене за солью. Он на долю секунды соприкоснулся к ней рукой, случайно, пока проходил по их тесной кухне к столу, а Эмма вспыхнула, как от горящего пламени!

Она посмотрела ещё раз на Сашу, тот сел положив на стол сильные ладони, на которых виднелась пара мозолей. Любочка говорила ей час назад, что Саша помимо работы в местной газете репортером, вечерами на вокзале разгружает вагоны с товаром для местных предпринимателей.

Эмма невольно качнула головой – эти руки не должны разгружать вагоны, они должны ласкать ее тело!

Она видела, как суетиться Любочка около мужа, вытаскивая тарелки, и теплые котлеты из духовки, а Эмма будто была теперь лишняя в их скромном, теплом гнездышке.

Эмма двинулась в прихожую, и тогда Любочка устремилась за ней:

– Эммочка, прости! Может быть, такси вызовем?

Эмма, обуваясь в новые туфли от итальянского дизайнера, мстительно отметила, что эти туфли стоят, наверное, весь их месячный бюджет, включая разгрузку вагонов. Она ответила сестре:

– Не переживай, я на машине приехала. Муж недавно подарил.

Любочка всплеснула:

– Боже! Как это хорошо! Георгий – он такой заботливый и внимательный!

Любочка так и не спросила, какую машину подарил ей муж, не выглянула даже из любопытства в окно, она просто отметила, что Жорик внимательный и заботливый!

Эмма, стуча каблуками по лестницам, потому что лифт не работал, думала, что ей хочется поскорее убраться с площадки, где пахнет Любочкиными котлетами из минтая и детскими пеленками! Прочь поскорее! Прочь! Прочь от его равнодушного взгляда и случайного прикосновения! Прочь!

Глава восьмая «Крестины»

А в субботу Эмма в православном храме стала крестной матерью маленького Миши – сына Любочки и Саши!

Она держала на руках младенца в нарядном одеяльце, стараясь как можно быстрее от него избавиться. И мальчик, чувствуя ее отвращение, раскричался так сильно, что Любочка взяла его на руки прижала к себе и долго укачивала, прежде чем он успокоился.

А ведущий церемонию батюшка очень странно с минуту смотрел на Эмму, а потом тихо сказал:

– Приходи на исповедь, камень с души сними.

Эмма оглянулась, никто не слышал реплики батюшки, она испуганно мотнула головой, Эмме показалось, что батюшка читает ее мысли!

И ей стало душно, захотелось скорее на воздух, чтобы не слышать треск горящих свечей, не видеть образа и иконы, не чувствовать запах ладана, который душил её!

Эмма вылетела на крыльцо, вслед за ней вышел Жорик. И в первый раз, когда он положил горячую руку на ее плечо, Эмме не захотелось ее сбросить. Она обернулась к мужу и уткнулась в его широкую грудь, а Жорик гладил ее волосы, запряжанные под косынку, и приговаривал:

– Всё хорошо, хорошо....

На следующий день Эмма уехала с работы раньше, она

стояла на пороге Храма, долго не решаясь войти, как будто ей стало стыдно за вчерашнее.

Однако она одернула себя: «Да что ты стоишь, как вкопанная!».

Эмма поднялась на несколько ступенек вверх и оказавшись на пороге храма, перекрестилась. Глубоко верующей она никогда не была, помнила, только, что мать после распада СССР ходила одно время в церковь и всю семью привела. И окрестила и себя, и их с отцом, чтобы ничего дурного не приключилось, а оптом их походы в храм стали всё реже и реже, и посещали они церковь только по великим праздникам на Рождество и Пасху.

Эмма не понимала, зачем она с матерью и отцом ходят в красиво расписанный внутри храм и пребывают там минут пять—десять, чтобы только поставить несколько толстых свечей около иконы Спасителя и Богоматери.

Мать шептала несколько слов, а Эмма рассматривала женщин с платочками на головах. Потом мать клала в специальный ящичек пожертвования, и Эмма выдыхала, так как обязательные ритуалы были исполнены, и можно было со спокойной совестью встретиться с подругами за нарядным рождественским столом, а в пасхальные апрельские деньки съездить с очередным ухажером «на шашлык» за город.

Но теперь, стоя в Храме, она не рассматривала других, а пыталась понять слова службы, котирую проводить незнакомый ей священнослужитель. Тот батюшка, что проводил об-

ряд крещения вчера, сегодня отсутствовал.

Эмма стояла, прислонившись к одной из колонн, пытаясь пристроить несколько свечей, что только что купила, на нее зыркнула тетка, которая служила здесь и убирала отгоревшие остатки свечей из подсвечников.

И Эмме стало не по себе, она отодвинулась от старухи подальше, но та продолжала сверлить ее взглядом и прошипела: «Вырядилась, прости Боже...»

Эмма вздрогнула и отдернула юбку вниз, застегивая верхнюю пуговицу на блузке, она выскочила из Храма и быстро пошла прочь, оставив сою машину на парковке.

Пока шла, и возмущалась, и злилась, и недоумевала, почему старуха так на нее разошлась? Что такого увидела в ее деловом костюме?

Через некоторое время Эмма сбавила шаг, и ей стало смешно, что старуху служку испугалась. И что убежала из храма! Но идти обратно не захотела, тем более того священника, что прочитал ее как раскрытую книгу вчера, там не было.

Эмма остановилась около обычного деревянного дома, которых на центральных улицах их городка хватало. Над входной дверью красовалась надпись: «Предсказания. Гадания. Чистка от порчи».

Эмма рассмеялась! Ну, надо же! Какой чудесный у нее вечер складывается! Убежала из храма, и ноги к гадалке привели! Она, мысленно крутя себя у виска, поднялась на доб-

ротный порог с крепкими перилами и толкнула дверь.

Внутри домика, как ни странно, не пахло, ни старостью, ни сыростью, напротив, Эмме показалось, что она попала в холл юридической конторы – ладные стулья в коридоре, на одном из них сидела дама лет сорока и прижимала сумочку к груди, она не отрывала взгляд от массивной деревянной двери.

Эмма спросила:

– Вы не подскажите, это хорошая гадалка?

Дама перевела глаза от двери на Эмму и посмотрела на нее, как на сумасшедшую:

– Девушка! Как вы сюда попали?

Эмма хотела сказать, что вприпрыжку по лестнице, но дверь комнаты, в которой принимала гадалка, отворилась и Эмма услышала сочный, низкий голос:

– Галина, входите.

Дама вскочила со стула, и больше не обращая внимания на Эмму, вбежала в комнату. Какой разговор происходил за закрытыми дверями, Эмма как не пыталась прислушаться – не могла уловить, и минут через сорок ей надоело сидеть в пустом коридоре, и она собиралась уже уйти.

Но запертая дверь опять открылась и оттуда уже выпорхнула та самая дама, хихикая как девочка, то, что ей сказала гадалка, видимо явно ей нравилось.

Хозяйка салона выглянула в коридор и увидела Эмму. Подняв черные брови, гадалка как будто спрашивала у нее:

«Каким ветром тебя принесло?!»

А Эмма, не зная, что сказать, выпалила первое попавшееся:

– Я здесь случайно, ноги сами в ваш салон привели.

Гадалка усмехнулась:

– Ну, раз ноги – заходи.

Эмма вошла вовнутрь комнаты, и увидела большой круглый стол, накрытый бархатной изумрудной скатертью с красивым, витиеватым узором посередине. На столе стояли пять толстых темно-лиловых коротких свечей, в стороне лежали веером разложенные карты.

Гадалка выглядела молодо и шикарно – шелковые темные волосы струились по спине, вместо заколки черное пушистое перо, макияж яркий, идеальный, холеные, мягкие руки нежно водили по острию небольшого ножа.

Гадалка спросила:

– Чего ты хочешь?

Эмма медленно опустилась на стул с витиеватыми ножками и ответила:

– Хочу вернуть его обратно!

Гадалка усмехнулась:

– У всех женщин одно и то же желание.

Эмма хотела открыть рот, но та гадалка остановила ее жестом, она быстро схватила руку Эммы и проткнула кончиком ножа ее палец!

Эмма инстинктивно дернулась, но гадалка уже окропляла

капельками ее крови, лежащие на столе карты и шептала на непонятном Эмме языке, лицо её время от времени то искажалось до неузнаваемости, то снова принимала обычный вид.

Эмма похолодела изнутри – куда она попала? Гадалка откинула ее руку так же внезапно, как и схватила и произнесла, глядя Эмме в глаза:

– Он высокий, темноволосый, очень привлекательный, молодой, занимается чем– то связанный с общением с людьми.

Эмма дернулась и прошептала:

– Да.

– Вижу – женат и у него недавно ребенок родился. – Гадалка сверлила Эмму глазами, – Разлучница родственница твоя? Так?

Эмма почти не дышала, такие подробности совсем не знакомая ей женщина с внешностью то ли армянки, то ли цыганки знать не могла! Она случайно сюда зашла!

А гадалка продолжала:

– Ходишь вокруг да около своего брюнета, в доверии к сестре втираешься, думаешь, со временем иначе будет? Надоест она ему?

Эмма кивнула, в горле пересохло, она смотрела в темные глаза гадалки и ждала, что та дальше скажет.

И гадалка произнесла:

– Не теряй времени, забудь про него.

Эмма, отмерев хрипло выкрикнула:

– Как забыть? Как?! Я почти каждую ночь засыпаю с мыслью о нём!

Эмма, не контролируя себя, сползла со стула на пол и встала на колени перед колдуньей:

– Пожалуйста! Помоги! Я слышала, что можно приворожить! Сделайте приворот! Вы же можете!

Колдунья потянула ее за волосы вверх, заставив встать с колен:

– Я могу приворожить и это не так сложно, но человек, на которого сделан приворот, живет недолго и не счастливо, ты знаешь об этом?

Глаза Эммы блеснули в темноте, и она прошипела:

– Да мне плевать! Лишь бы со мной!

Гадалка рассмеялась тихо, но Эмме показалось, что ее ноги и руки начали леденеть от накатывающего нее ужаса. И она услышала:

– На себя брать грех – не стану. Вижу, сама его в омут затанешь! Жди какое– то время. Только помни, если не откажешься от него – оба пострадаете, всю жизнь в несчастье проживешь.

Пока колдунья говорила, глаза Эммы становились все больше и больше, а внутри забурлила энергия, она только и услышала из всей речи колдуньи: «Ты сама его в свой омут затанешь!»

Эмма трясущимися руками стала рыться в сумочке в по-

исках кошелек, но колдунья остановила:

– Не нужно, я зря тебе всё сказала, ты теперь окончательно обезумела. Прощай.

Когда Эмма вышла на улицу, уже совсем стемнело, она еле доползла до машины, оставленной на парковке, не далеко от храма и долго сидела в кабине, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой, будто из неё откачали всю энергию.

Когда добралась до дома, стала рассматривать коттедж, что подарил им отец Жорика. Она была равнодушна к этому дому, и не хотела его обустраивать, пригласила лишь профессиональных дизайнеров – те навели шик и блеск, но тепла в ее доме не было. Она не любила ни дом, ни мужа, и не видела бедующего рядом с Жориком.

Но теперь у нее зажглась надежда! Гадалка сказала, что Саша может вернуться к ней! Только нужно ждать! Но сколько?

Эмма толкнула калитку и безучастно посмотрела на цветущие кусты белой сирени, ни о чем, кроме сегодняшнего сеанса она думать не могла.

Глава девятая «Я пойду и возьму свое»

С той странной встречей с гадалкой прошел год, потом второй, потом третий, но ничего в жизни Эммы не менялось, кроме того, что тесть поставил ее главой новой фирмы, они несколько раз съездили с Жориком и ее родителями в Европу, скупив в Миланских магазинов несколько чемоданов одежды и обуви.

Как– то раз, мать, оставшись с ней наедине сказала:

– Эмма, ты во многом переплюнула меня в амбициях!

Эмма подняла одну бровь и налила ей и себе по бокалу вина:

– Не этого ли ты хотела? Ты же говорила мне, чуть что, выгонишь из дому, и я пойду жить под мост! Хороший стимул, не правда ли?

Мать скривила губы:

– Не говори ерунды, никто бы тебя не выгнал! И да, я горжусь тобой, дочь. Ты умная стерва. И свёкр твой, без ума от твоей деловой хватки. Но...

Эмма смотрела на мать через тонкое стекло бокала:

– Что, но?

Мать глотнула красное вино, купленное в Италии в прошлом году, и продолжила:

– Но... Не кажется ли тебе, что и о детях пора подумать? Тебе уже двадцать шесть...

Эмма хмыкнула:

– И что? У меня вагон времени!

Мать настаивала:

– Чем позже родишь – тем хуже. Пока организм молодой беременность в разы легче переноситься!

Эмма отставила бокал и наклонилась над столом, ей хотелось впиться ногтями в материн округлый локоток, а вместо этого она закричала:

– Я не хочу детей от Жорика!! Не хочу!

Мать как будто вырубил от ее фразы, она то открывала рот, то закрывала, вытаращив на дочь глаза, а потом тоже крикнула:

– Ты что несешь, ненормальная? Игорю – свекру твоему внуки нужны! Мне он частенько намекает об этом.

– А мне не намекает! И всё! Закончим! Тебе домой пора!

И вызвав такси, Эмма запихнула туда мать, больше не в силах выносить ее общество.

Она была очень рада, что муж и тесть отправились на рыбалку на два дня, и ей можно было теперь в оставшиеся выходные закрыться в доме и ничего не делать!

Только – думать о Саше, и рисовать в воображении, как им будет хорошо вместе, когда пройдет время, время.... Но, сколько этого времени еще нужно! Три года прошло!

После ухода матери, перебирая старые фотографии, ко-

торые она хранила в тайнике, под замком, в том месте, куда Жорик никогда не заглядывал, Эмма вдруг остановилась и твердо произнесла: «Всё, хватит! Достаточно я ждала! Я пойду и возьму своё!».

Глава десятая «Случилось»

Эмма была в дверях, когда раздался телефонный звонок. Она не хотела отвечать, но телефон звонил настойчиво, и она взяла трубку:

– Алло! Мне некогда! Говорите быстрее!

На том конце провода она услышала голос отца:

– Эммочка, доченька, страшное горе случилось! Эммочка! Мама уже в больницы у тети Кати! А Любочка... Любочка.... Отец громко с усилием выдохнул, – Любочка погибла!

Эмма сжала трубку и медленно опустилась на мягкий пуф: «Неужели...неужели из– за неё? Из– за её желания! Но нет! Она не хотела никого убивать! Даже в мыслях! Подвинуть, развести, разлучить! Но не такое! А то, что говорила гадалка, выходит...исполнилось?!».

Эмма вспомнила слова гадалки: «Сама его в свой омут затянешь!». Неужели она своими мыслями? Неужели она виновата в смерти хоть и не любимой, но сестры?! В смерти человека?

Эмма молчала, а отец, произнес в трубку:

– Доченька, я понимаю, что для тебя это шок. Ведь вы в последнее время с Любочкой стали очень близки. Приезжай к нам. Сможешь?

Эмма кивнула и положила трубку. Садясь в такси, она произнесла:

– Мы едем по другому адресу.

Водитель возмутился:

– Девушка, я вас пятнадцать минут жду! А тут ещё и адрес меняете!

Эмма в другой раз точно поставила бы мужика на место, но сейчас она прошептала:

– Плачу двойной тариф.

До нового дома матери и отца в самой престижной многоэтажке города, Эмма доехала быстро. Она шла через охраняемый двор, заставленный новенькими иномарками, в основном Джипами «Тойота Лэнд Краузер» и не могла понять, что она чувствует?

Главная мысль: «Где Саша? Что с ним?». Не давала покоя.

Отец встретил ее в огромном коридоре, и они вместе прошли в гостиную, где можно было в футбол гонять, даже после того, как мать обставила ее дорогой и громоздкой мебелью в классическом стиле.

Эмма опустилась на стул, не снимая легкого плаща. Отец достал из резного буфета пузатую бутылку и разлил им обоим, они молча выпили. И когда обжигающая пахучая жидкость коснулась ее горла, Эмма вышла из того оцепенения, что напало на неё после услышанной от отца новости.

Вслух она произнесла, как будто отвечая самой себе: «Глупость какая, ты не виновата»

Отец поднял глаза от больших, круглых рук и сказал, будто не расслышав конца ее фразы:

– Глупость, невероятная глупость! Как такое могло случиться с такой прекрасной, светлой девочкой, как наша Любочка? Тем более что у неё жизнь только– только начала складываться, замуж вышла за хорошего мужчину, ребеночка родила...

Эмма прервала отца:

– Как Люба погибла?

Отец всплеснул руками, а потом сжал их в крепкие кулаки и с силой стукнул по столу:

– Как?! Один пьяный подонок ехал на скорости сто восемьдесят мимо автобусной остановки, где стояла Любочка с Мишенькой! Она успела оттолкнуть Мишеньку, тот отлетел далеко в сторону, на газон, ушибся, но остался жив! А она... Она! ...Этот подонок стукнул ее бампером, пытаясь выровнять машину и затормозить! И Любочка ...Любочка отлетела на дорогу!

Эмма затаила дыхание, она представила весь ужас ситуации и вновь в висках застучало: «Ты же все время желала, чтобы она убралась с твоей дороги!»

Голос отца звучал как из завесы ее собственных мыслей:

– Приехала скорая помощь. Но было уже поздно. Понимаешь? Они сказали, что все равно не смогли бы помочь нашей Любочке! Потому что ее тело поломано так, что не собрать! И она бы только мучилась лишние часы... Понимаешь? А Катя, Катя как узнала... У Кати ведь сердце слабое... Её в больницу увезли сразу...

Эмма прошептала:

– А что с Сашей?

Отец разливал им по бокалам, и Эмма механически выпила всё, до краев налитое.

Отец смахнул набежавшие слезы рукавом закатанной по локоть рубахи:

– Саша? Он сейчас в морге, на опознании. Так положено. Не знаю, как он сможет жить дальше, ведь он так любил Любочку.... Очень сильно любил!

Эмме хотелось тут же выбежать из родительского дома, и ехать к Саше! Чтобы обнять, увидеть, утешить! Но Эмма силой пригвоздила себя к стулу, понимая, что это будет самый глупый поступок в жизни.

А отец продолжал говорить:

– А Мишенька, он же еще совсем маленький! Три годика всего. Как же он теперь без материнской ласки?

Эмма облизала губы и тихо произнесла:

– У него есть отец.

Отец взглянул на нее, он уже не скрывал, что плачет, и Эмма поднялась со стула и положила горячие ладони на плечи отца:

– Папа, ещё у Миши есть мы.

Отец быстро закивал:

– Да, дочь, ты права! Совершенно права! У Мишеньки есть мы! Бабушка Катя... Эх, Эммочка, что теперь с Катей станет?!

Глава одиннадцатая «После»

После похорон дочери, тетя Катя прожила ровно год.

Для Эммы этот год был похож на странный, тягучий, тяжёлый сон. Они с матерью постоянно носили передачи в больницы к тете Кате, она не могла говорить, а только писала на бумаге и почти одно и то же: «Мне ничего нужно».

Только когда Саша приводил к ней Мишеньку, лицо ее на какое-то время озаряла вспышка света.

А Эмма и ее мать старались всячески помогать Саше, который замкнулся в себе, и всё внимание теперь направил на сына, став для него и мамой, и папой. И Эмма только в этот год поняла, как Саша любил ее сестру.

С работы он уволился и жил несколько месяцев на деньги, что они откладывали с Любочкой на покупку машины. Но сбережения закончились быстро, и он по вечерам вновь начала подрабатывать грузчиком.

Сначала Саша приглашал няню, но узнав об этом, Лилия Ивановна, и Эмма настояли на том, чтоб Миша не может оставаться под присмотром то одной соседки, то другой. И Лилия Ивановна стала забирать Мишу к себе сначала по вечерам.

А когда Саше предложили вернуться на работу в газету, мальчик постепенно стал расти под присмотром родителей Эммы. Так прошел еще год после похорон Любочки и смерти

тети Кати.

Эмма, после работы спешила к родителям. Она ездила туда почти каждый день, чтобы увидится с Сашей, который забирал Мишеньку от тети Лили и дяди Лёни.

С Сашей они стали ближе, вроде как родственники, и он был благодарен и ей, и ее матери, но Эмма хотела совсем другого!

В один из вечеров она вошла в гостиную и увидела, как Саша поймал бегущего по бескрайнему ковру Мишу на руки. Ему уже исполнилось пять, и он превратился в забавного темноволосого мальчишку, которого интересовала абсолютно все вокруг!

Отец Эммы возился с большой коробкой, где лежала новенькая пожарная машина. Он поприветствовал дочь и сказал:

– Мишенька красную машинку попросил! И я ему подарок купил!

Эмма видела, как радостно блестели глаза ее отца, и понимала, что будь у него свои внуки, он бы утопил их своим вниманием и сам бы часами играл с ними в машинки!

Внутри нее что– то сжалось, ведь у них с Жориком не было детей. И она прекрасно знала почему. А Жорик всё надеялся и верил, что новое очередное лекарство поможет вылечить её, и что им всего по двадцать семь, какие их годы! И что они обязательно станут родителями!

Саша поставил Мишеньку на пол, и пока дед Лёня распа-

ковывал с ним новую пожарную машину, Саша сел на диван рядом с Эммой и произнес:

– Эмма, я скоро уезжаю.

Она мягко улыбнулась:

– По работе?

Саша ответил:

– Мы с Мишей совсем уезжаем. Я принял решение – не могу больше оставаться в этом городе. Всё о ней напоминает! Я и Мишка едем в Москву.

Эмме хотелось подскочить с дивана и крикнуть: «Ты в своем уме?! Зачем? Кто будет нянчиться с твоим мальчишкой? Кому вы там нужны?!»

А Саша продолжал:

– Я выставил на продажу свою квартиру. И как только найдутся покупатели, я начну новую жизнь.

Эмма сосчитала про себя до десяти, и её голос зазвучал более– менее спокойно:

– А где вы собираетесь жить в Москве? Насколько я знаю купить там квартиру не дешево.

Саша кивнул:

– Да, ты права, этих денег не хватит даже на старую однушку на окраине. Но я же здоровый, руки ноги есть, устройсь на работу, постепенно наберу нужную сумму и тогда...

Вошедшая в комнату Лилия Ивановна, услышала обрывок разговора дочери и Саши. Она сразу все поняла, Эмма не сомневалась в молниеносной сообразительности матери.

Лилия Ивановна монументом встала над ними и произнесла:

– Ты как хочешь, Сашенька, но Мишу в Москву, пока ты работу ищешь – я не отпущу, так и знай!

Эмма выдохнула, мать сказала все, что нужно. Всё, что она не могла себе позволить ему сказать!

Саша встал с дивана, поймал сына, прижимающего к себе пожарную машину, и сказал:

– Лилия Ивановна, я вам очень благодарен за то, что вы для нас с Мишей так много сделали. Но я отец Миши, и я решаю, как, где и с кем он будет жить.

Глава двенадцатая «Год спустя»

Несмотря на их протесты, Саша уехал в Москву, продав единственную квартиру, как и решил.

Эмма, оставшись за тысячи километров от него, лишенная возможности хоть как-то общаться с ним, не зная, что делать дальше, проклинала себя за ту единственную ошибку молодости, когда она наломала дров! И лишилась его!

Она пыталась с головой уйти в работу и сначала у неё это получилось, будучи директором новой компании свекра Эмма дневала и ночевала в офисе, подбирая нужный коллектив, вникая в распределение финансовых потоков с новой финансисткой, такой же фанаткой работы.

Да. Теперь она стала главой компании «Новый мир», которой администрации выделила землю под строительство многоквартирного дома. И начиная с проекта, Эмма входила в курс всех дел.

Ее новый дом должен стать таким же красивым и даже лучше того, где теперь жила ее мать! Свекр ею гордился, он быстро понял, что из сына руководитель не получится, и уделял теперь всё внимание невестке.

Эмма отлично понимала, что свекр может когда-то передать часть своего дела их семье, а вернее ей! Её самолюбие это грело, но оставалось одно но – тесть хотел внуков и не раз на семейных торжествах поднимал тосты за их с Жори-

ком бедующих детей.

Но Эмма плевала на чьи— либо желания! Она вертелась, как заведенная, лишь бы не думать! Не думать! Не думать! Не думать о Саше!

Она даже не звонила ему, лишь слушала рассказы матери, что они разговаривают с Сашей и Мишенькой по скайпу, и как Мишенька подрос. А Саша квартиру на окраине снимает, и работает репортером в столичной газете.

И что с Мишенькой какие— то молодые няньки студентки сидят, одна за другой меняются. И что скоро терпение её лопнет, и она отправится в Москву, чтобы посмотреть, как там Мишенька своими глазами!

Эмма старалась не придавать значения тому, что рассказывала мать, но всё равно ловила каждое ее слово! Впитывала в себе, как губка, даже новый адрес Саши на окраине Москвы запомнила, как будто от этого что— то зависело.

Вернувшись из очередного отпуска за границей, Эмма осталась дома одна. Жорик с тестем отправились на очередную рыбалку, предоставив ее самой себе. Эмма сидела на диване и рассматривала свои стройные, загорелые ноги, и почему— то ей подумалось, что ей уже двадцать девять, а в ноябре тридцать исполнится, и что ее по— настоящему ничего не радует!

Эмме захотелось поговорить об этом и выгрузить то, что на душе накопилось! Но с Ленкой они давно не общались, та выскочила замуж за их одноклассника и родила двойню, она

постоянно жаловалась на безденежье и дурака мужа.

Настюха жила в свое удовольствие с мужем, с тем самым парнем, с которым она познакомилась на ее свадьбе в Москве...

Эмма хотела набрать Настю и выпить с ней бутылку вина по скайпу, как всегда, когда она хотела выговориться...

Но вместо этого Эмма, наскоро накинув ветровку, села в машину и некоторое время спустя припарковалась около авиационного агентства. Билеты в Москву бизнес – классом нашлись сразу. И она, покидав вещи в чемодан, написала записку мужу: «Жорик, я улетила в Москву, хочу с Натсьюхой встретиться. Пока. Не скучай».

Восемь часов полета пролетели как одна минута! Эмма кинула вещи в гостинице, привела себя в порядок. Вызвала такси и продиктовала адрес: «Улица Камова три».

Лифта в доме не оказалось, и Эмма поднималась бегом, отсчитывая каждую ступеньку лестницы, чтобы не слышать голосов в голове, которые атаковали со всех сторон: «Куда лезешь? Ты глупая баба! Время прошло! Не нужна ты ему! Успокойся!»

Но она отогнала мысли, как рой надоедливых мух, и с силой нажала на кнопку звонка. Когда дверь открылась и на пороге она увидела Сашу, то чуть не упала! Стояла на трясущихся ногах и с жадностью разглядывала его!

Саша отошел, пропуская ее в квартиру, она спросила:
– Ты один?

Он ответил:

– Миша спит в детской. Как ты здесь оказалась?

Она чувствовала, как слезы катятся по щекам, как губы дрожат и руки! Она почти не понимала, что делает, когда прижалась к нему всем телом и разрыдалась, жадно вдыхая запах его кожи!

Он не обнимал ее, но и не отстранялся. Тогда Эмма обвинила его шею руками и, встав на цыпочки, хотя и была на высоких каблуках, дотянулась до его губ и прикоснулась к ним жадно! Как голодная целовала его верхнюю, нижнюю губу, умоляя:

– Прости, меня прости, я не могу без тебя!

Он вздрогнул всем телом, будто борясь с ней! Стал отвечать на ее поцелуй резко, грубо, кусая её губы, шею, ключицы, бормотал: «Ведьма, ты ведьма!»

Эмма сдавалась ему, его напору горячих руки и бедер, его поцелуям, повторяя: «Я твоя...твоя...всегда...».

Глава тринадцатая «Вновь»

Они провели вместе несколько дней и ночей, вспоминая которые, Эмма чувствовала, как бегут мурашки вдоль позвоночника и кружиться голова.

Эмма каждый день провожала Сашу на работу, а вечером ждала его, готовила ужин, и встречала у порога поцелуями.

Миша ходил за ней попятам, а она играла с ним в прятки, догонялки, жмурки, складывала кубики и рисовала.

Выходные они провели все вместе: Саша, она и Мишенька – пошли в парк Горького, катались на каруселях, покупали сахарную вату, попкорн, развлекались в зеркальном лабиринте. Эмма с Сашей строили гримасы у разных зеркал, становясь то тонкими, то худыми, то сплюснутыми. Миша хохотал до слез, показывая на них и себя пальцем.

За эти несколько дней Эмме стало казаться, что они настоящая семья. Из иллюзии ее выдернул телефонный звонок. Она включила новенький телефон «Нокиа», который получила в подарок на день рождения от матери.

Услышав забытый уже голос Жорика, Эмма вздрогнула: – Да, привет, прости, я так закрутилась. Да...

Наутро следующего дня Эмме пришлось по капле выдавить из себя те слова, от которых ей самой становилось плохо, она не хотела назад, в ее реальную жизнь!

Но ей пришлось сказать после страстных объятий и поце-

луев:

– Саша, я сегодня улетаю обратно.

Он приподнялся над ней и, не отводя глаз, произнес:

– Зачем ты приезжала, Эмма?

Ее слова сами слетели с губ:

– Я разведусь с ним, не могу больше так! Саша, я не могу без тебя!

В то утро они разговаривали мало, только Мишка, сновавший около ее ног, не понимал, что происходит. И, в конце – концов, он спросил:

– Эмми, тебе плёхо? Посему?

Эмма встряхнула копной темных волос, подняла Мишку на руки и, уткнувшись лицом в его щеку, произнесла:

– Мне очень хорошо с тобой.

Она оглянулась через плечо и поймала внимательный взгляд Саши. Эмма сказала, обращаясь только к нему:

– Мне очень хорошо с вами обоими.

Мишка крепко обнял ее за шею и пролепетал:

– Эмми, я тебя буду здать.

Эмма летела обратно, зная, что сейчас её прежняя жизнь пойдет под откос! И она сама лично ее разрушит! Но это не огорчало, а напротив даже веселило!

Она застала мужа дома, и чтобы долго не мучить себя, поставив чемодан на пол, произнесла:

– Жора, я развожусь с тобой.

Жорик замер с кухонным полотенцем в руках. Зная, что

она прилетит вечером, он готовил ужин, и Эмма увидела из коридора сервированный в гостиной стол со свечами и букет роз.

Эмма выдохнула, одно дело представлять в самолете, реакцию мужа, другое – видеть его перед собой.

Жорик несколько раз моргнул, не понимая в чем дело, и переспросил её:

– Ты же в Москве у Насти гостила, правильно?

Эмма почувствовала, как мучительно говорить правду мужчине, которого она никогда не любила! Жорик был добр и делал для нее всё, выполнял все её прихоти и терпел дурное настроение последние года два.

Она зажурилась и ещё раз произнесла:

– Жора, я развожусь с тобой. И в Москве я не с Настей встречалась.

Жорик перекинул полотенце на плечо и выкрикнул! Впервые в жизни:

– У тебя там любовник, да? Ты завела любовника?!

Эмма ответила как можно спокойнее:

– Это не любовник, Жора, это мужчина, которого я давно люблю.

Что началось после, Эмма вспоминать не хотела, обычно спокойный и уравновешенный муж, кричал на неё, обзывал бесплодной шлюхой и холодной сукой!

Он забыл про давно сгоревшее в духовке мясо, сам вытащил из кладовой ещё чемоданы, которых у Эммы накопи-

лось большое количество, и понес их в спальню. Открыл гардероб и стал скидывать комом ее платья, костюмы, нижнее белье, и яростно застегивать замки, выкидывая всё во двор.

Эмма стояла, почти не двигаясь, в холле коттеджа, который подарил им на свадьбу свекр, и думала, как она могла столько лет прожить с ним? Как она могла так мучить себя в угоду кому? Матери?! Общественному мнению?! Собственной гордости, жадности и тщеславию?

Путешествия, украшения... машины, которые она меняла раз в полтора года! Ради чего всё?!

Эмма взяла тот же чемодан, с которым прилетела из Москвы, вышла из дому, поймала такси и отправилась к себе на квартиру, ее арендаторы выехали, и это оказалось, как нельзя кстати!

Но не успела Эмма перешагнуть порог своего дома, как к ней пришла мать. Эмма пожалела о том, что не сняла гостиницу и отправилась к себе, мать купила ей однушку к окончанию университета этажом выше их с отцом нового жилья!

Эмма рассмеялась:

– Что? Жорик успел пожаловаться?!

Мать решительно перешагнула через порог и захлопнула дверь с таким звоном, что хрустальный сосульки люстры, висевшей в прихожей Эммы, задрожали.

Мать впихнула ее в гостиную и толкнула на кресло, нависнув над ней, как гора и процедила:

– Ты что творишь, дура? Сейчас же звони Жоре и говори,

что ты была не в себе! И всё, что случилось дурной сон!

Эмма убрала руки матери с подлокотника и встала. Мать невольно отпрянула, и тогда Эмма заговорила:

– Не в себе я была, когда выходила замуж за Жорика! Когда послушалась тебя, что по расчету жить очень удобно! Когда почти десять лет назад Десять лет назад сделала аборт!

Мать смотрела на неё во все глаза и только открывала и закрывала рот, её нижняя губа тряслась. Эмма усадила мать в кресло и принесла ей воды.

Сделав несколько глотков мать спросила:

– Почему ты ничего не сказала мне? Почему сделала аборт?

Эмма отвела взгляд к окну, не желая смотреть на мать, чтобы та не увидела слез, блестевших на ее глазах. Она старалась говорить ровно:

– Десять лет назад, ты сказала, что если я забеременею, то я вылечу из дома со скоростью звука во взрослую жизнь. Я испугалась тогда. Да и ребенка я этого не хотела, по глупости всё вышло, случайно, да и не от того мужчины, которого любила. Хотела отомстить любимому, а отомстила самой себе...

Мать тихо произнесла:

– Поэтому ты сейчас не можешь забеременеть?

Эмма крикнула:

– Да, именно! Не могу! Да и могла бы, не захотела рожать

детей от Жорика! Не хочу от него ничего! Ни коттеджей, ни машины, ни путешествий! Ни – че – го!

Мать внимательно на нее посмотрела и сказала:

– Я давно знаю, от кого бы ты родила.

Эмма осеклась, застигнутая врасплох, а мать продолжала.

– Ведь это Саша? Ты с ним встречалась в Москве?

Эмма кивнула, и ее плечи мелко затряслись, она села на диван и, обняв себя заплакала. Мать подошла к ней и в первый раз в жизни мягко и ласково прижала к себе, шепча в макушку:

– Бедная девочка, не знаешь ещё, что творишь. Неужели и правда, хочешь обычную, полуголодную жизнь? С милым рай в шалаше только первые три месяца, а потом рай превратиться в ад.

Эмма глотала текущие ручьем слезы и всхлипывала:

– Я не могу без него, мам, не могу!

Глава четырнадцатая

«По– настоящему – Её!»

Жорик развода не дал. Эмма развелась через суд два месяца спустя. Она переехала в Москву к Саше и Мишеньке, вспоминая как страшный сон, как свекр выкидывал ее вещи из кабинета генерального директора «Новый дом», не стесняясь сотрудников, как лишил с помощью адвокатов доли имущества, которое и её усилиями тоже, приобреталось во время замужества с Жориком.

Свекр явился в дом ее родителей и грозил, что и бизнес матери пустит под откос. Он назвал Эмму шлюхой, и что хорошо, что от нее избавились, и что он найдет хорошую невестку сыну, которая нарожает ему внуков!

Обычно спокойный отец Эммы, недолго слушал, как бывший сват поливает грязью дочь. Он кинулся на отца Жорика и несколько раз двинул в челюсть, в пылу драки выкрикивая:

– Только попробуй, мразь! Только тронь мою дочь и жену! Пожалеешь о том, что родился, тварь!

Отец Жорика выскочил за дверь, а Эмма так и не поняла, чем отец испугал уважаемого в городе коммерсанта, и почему сам в мгновение ока превратился из добряка в волка с оскаленными клыками.

А Лилия Ивановна, оттирая кровь с лица мужа, произнес-

ла:

– Лёня, какая же он и вправду тварь!

Эмма жила теперь в маленькой «однушке» на окраине Москвы и счастливее её никого не было! Она просыпалась и засыпала рядом с любимым мужчиной, она была его женщиной! А он стал по-настоящему – её! Её Сашей!

Как– то раз, Эмма, показывая Мише, как написать букву «А», произнесла:

– Саша, я впервые в жизни жалею, что не учительница, и не воспитательница. Миша, так старается, а я ему толком не могу объяснить.

Саша подошел к ней и сыну и, взглянув на нарисованную Мишей букву «А», больше походившую на две параллельный прямые криво соединенные внизу подобием палочки, сказал:

– Вы оба постарались! Ставлю пятерку! Несите дневники! Эмма улыбнулась Мише:

– Твой папа очень щедрый на комплименты!

А Миша переспросил:

– А сто такое копименты?

Эмма ответила:

– Это когда человек говорит, что– то приятное другому человеку, его личным качествам или умениям, или внешности.

Миша внимательно её, выслушав, спросил:

– А сто такое лисные касесва?

Эмма вздохнула и посмотрела на Сашу:

– Вот видишь, я с ним по– взрослому разговариваю, из меня учитель никакой, я не... – Эмма хотела добавить Любочка, но осеклась. А Саша и так всё понял.

В его глазах на мгновение вспыхнул теплый свет, и они стали грустными.

Эмма встала из– за стола, где занималась с Мишей и вышла на кухню. Она открыла форточку и сделала несколько вдохов и выдохов. Не поворачиваясь, почувствовала, что Саша стоит позади. Через мгновение его сильные руки сжали ее плечи, и он, наклонившись к ней прошептал:

– Я никогда не забуду Любу. Но сейчас...сейчас... – Эмма ждала, затаив дыхание, что он скажет те слова, которые она хотела услышать ещё десять лет назад! Но услышала: – Ты мне очень нужна! Ты другая, ты невероятная, невозможная! Зачем я тебе, Эмма?

Эмма повела плечами – невероятная, невозможная...Ей стало зябко, и она захлопнула форточку, а потом, повернувшись к нему сказала:

– Саша, мне кажется, что Мише нужно ходить в детский сад.

Он кивнул:

– Я знаю, как только мы сюда приехали, я пытался устроить его в садик, но там не то, что приедем, но и местным нет места, так что пока Мишка дождется путевки, он уже начальную школу закончит!

Эмма опустила на кухонный табурет, выкрашенный ею в белый цвет. Остальную мебель в кухне она тоже выкрасила, и обновила, пользуясь нехитрыми приемами, что подсмотрела из телевизионной передачи, пока сидела днем дома.

Она с энтузиазмом наводила в маленькой, съемной квартире порядок, занесла цветы, погибавшие в подъезде на подоконнике, и они расцвели. Купила на рынке ткань и соседка снизу за смешную цену сшила новые чехлы на старые кресла и диван, а из простой льняной ткани соорудили красивые портьеры в общую комнату.

Когда она закончила преображение квартиры Саша, вернувшись однажды домой, сказал:

– Никогда бы не подумал, что ты такая хозяйка...

А она, сияя от удовольствия и от его изумленного вида, ответила:

– Когда любишь, всё говорят, вокруг расцветает. А ты думал, что я полная неумеха?

Он обнял ее крепко и произнес:

– Спасибо тебе, милая. Я думал, что из этой берлоги ничего нельзя сделать. Мне без разницы, я всё равно весь день на работе, а вот Мишке не хватало уюта и тепла...

И теперь, сидя на обновленном табурете, Эмма смотрела на Сашу, снизу вверх, и казалась самой себе маленькой и слабой. Если бы он только сказал всего три слова! А лучше одно!

Саша сел напротив нее на другой стул, Эмма выпрямила

спину и произнесла:

– Я видела объявление на воротах детского сада, в подготовительную группу требуется нянечка. Так вот, завтра я схожу к заведующей, и если меня примут, то устроят в группу и моего ребенка.

Саша взял её пальцы в свои горячие ладони:

– Эмма, ты выйдешь за меня замуж?

После его вопроса Эмме показалось, что ее тело внезапно ослабло. Она глотала и глотала комок, который образовался в горле, и, перестав с собой бороться, расплакалась.

Саша посадил ее на колени и долго— долго гладил по растрепавшимся, длинным волосам, а она уткнулась ему в грудь и всхлипывала. А когда подняла на него лицо, он нежно, аккуратно вытер слезы, струившиеся по щекам, и Эмма не выдержала:

– Да! Я выйду за тебя замуж! Потому что... Потому что...

Он прошептал ей в лицо, прикасаясь губами к кончику носа, где блестела слеза:

– Потому что я тебя люблю.

Эмма замерла. Не верила, что она слышит правду! Она прижалась щекой к его теплой ладони и попросила:

– Пожалуйста, повтори еще... пожалуйста...

Саша прошептал:

– Я тебя люблю.

В этот вечер Миша долго не могу уговориться. Он показывал то ей, то отцу листок, исписанный бесконечными ко-

рявыми буквами «А», и Эмме казалось, что это самая красивая кривая буква «А» на свете! И она хвалила Мишу:

– Ты умница! Как много буковок написал! И вот смотри, последняя буква – самая красивая!

Мишенька сиял, и Эмма улыбалась ему в ответ. Перед сном Саша прочитал сыну сказку про «колобка» и уложил спать.

Приняв душ, он вошел в спальню, и Эмма спросила:

– А мне сказку на ночь расскажешь?

Саша, улыбнулся так, что ей стало жарко:

– Скорее покажу...иди ко мне...

Глава пятнадцатая

«Скоро в школу»

Через месяц они с Сашей поженились, никого, кроме двух свидетелей – Сашиного коллеги и его жены они не пригласили. Эмма не хотела, чтобы кто-то ещё смотрел на ее счастье!

Она вспомнила пышную первую свадьбу, толпы гостей и вздрогнула. Когда они сидели вдвоем в ресторане, Саша спросил:

– Не жалеешь, что вышла замуж за обыкновенного журналиста?

Она смотрела в его карие глаза, и чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете. Эмма ответила теперь уже своему мужу:

– Нет. Я жалею только об одном, что не вышла за тебя замуж в двадцать лет. И не родила от тебя мальчика или девочку.

Саша улыбнулся, открыл бутылку шампанского и разлил по бокалам вино, произнес:

– За тебя Эмма, за твою страсть, нежность, красоту. И за наших с тобой будущих детей.

Эмма выпила бокал почти залпом, ей стало не по себе, ведь Саша рано или поздно узнает о ней...и тогда...

Эмма отогнала противные мысли: «Что тогда? Какой

смысл портить настоящее! Она его жена! И постарается! Очень сильно постарается!».

Эмму приняли на работу в детский сад нянечкой и взяли Мишу в подготовительную группу, где он подружился с двумя мальчишками. Однажды утром, выходя с Эммой из дому, Миша рассказывал, что они собираются строить с Лешкой и Ромкой из конструктора «Лего» целый город!

И что его друзья завидуют, что он ходит в садик вместе с мамой. Эмма вздрогнула. Миша назвал ее мамой?

Она на всякий случай спросила:

– Миша, ты назвал меня мамой?

Миша, крепче сжал ее руку и повторил:

– Да, ты теперь моя мама!

Вечером, Эмма рассказала Саше об утреннем разговоре с Мишенькой. Саша прижал ее к себе и прошептал:

– Я так рад, что Мишка стал снова веселым и счастливым. После смерти... после смерти Любы и нашего переезда в Москву он замкнулся и почти не разговаривал. Он тосковал по матери. И я не знал, что делать.

Хотя и думал сначала, стану для него и мамой, и папой в одном лице. Но я ошибался. Теперь всё по-другому, Эмма, я так благодарен тебе. Хотя знаю, что ты точно не создана для работы в детском саду нянечкой.

Эмма развернулась к нему и произнесла:

– Ничего плохого в том, чтобы работать в детском саду я не вижу. Знаешь, мне кажется, что общаясь с Мишенькой и

другими детьми, я становлюсь немного другой, во мне появляться то, чего раньше я не замечала в себе.

Саша обнял её и пробормотал:

– Нежная моя... любимая жена...

Дни шли за днями. Прошла осень. Шумный, морозный праздничный декабрь пролетел вихрем новогодних ёлок, яркими подарками. И счастливый Мишка, разбирая пакет от деда Мороза радовался, что кроме шоколадок и мандаринок, он нашел модели легковых автомобилей! Особый восторг вызывало то, что дверки и капот игрушечных машин открывались, и Мишка часами мог играть на ковре, имитируя езду.

Однажды, наблюдая за игрой Миши и Саши, он тоже гонял наперегонки с сыном, двумя машинками, Эмма сказала:

– Мне нужно уехать на неделю.

Саша оторвался от игры с сыном и спросил:

– Куда и зачем?

Она ответила:

– Хочу продать квартиру, что мать подарила мне к окончанию университета и ...купить здесь новую.

Эмма долго собиралась сказать Саше о своем решении, знала, что встретит не понимание. Так оно и случилось. Саша встал с ковра и сел напротив неё в кресло, сплетая пальцы рук.

– Хочешь купить себе квартиру?

Эмма вздрогнула, как будто ее грубо толкнули:

– Не себе! А нам! Я твоя жена!

Саша, не повышая голоса, твердо ответил:

– А я твой муж. И именно я отвечаю за то, чтобы покупать квартиры, машины и прочее, и зарабатывать деньги для семьи.

Эмма не сдвинулась с кресла, но чувствовала, что медленно закипает:

– Ничего плохого в том, что у меня есть деньги. И у тебя тоже есть, от продажи твоей квартиры. И мы можем сложить эти суммы вместе и купить нормальную недвижимость ближе к центру города.

Саша произнес:

– Ты забыла сказать, что моих денег едва ли хватило на первый взнос, и мы бы вложились в покупку исключительно твоими деньгами, Эмма!

Эмма, начиная терять терпение, ответила:

– Мы ведь одна семья? Какая разница твои, мои деньги! Всё равно придется добавлять ещё. Часть денег возьмем в кредит, за который ты и рассчитаешься со временем! Моя зарплата нянечки мизерная, чтобы выплачивать долги.

Саша встал, он ходил по комнате, чтобы успокоиться, и случайно наступил на машинку Миши, та хрустнула! И Мишка расплакался.

Эмма вяла его на руки и, прижав к себе, сказала:

– Мишенька, не нужно плакать, папа купит тебе новую машинку, еще лучше этой! Правда? – Эмма внимательно по-

смотрела на Сашу, и он сдался:

– Ты ведь не только о машинке сейчас говорила?

Эмма кивнула:

– Мы справимся. Я знаю, что ты самый лучший мужчина на свете. Мы обязательно справимся!

Укладываясь спать, Эмма гладила и массировала обнаженную спину Саши, и бормотала:

– Сашенька, прости, что я будто решила всё сама. Но ты ведь знаешь, что Мише скоро в первый класс, а здесь даже нормальной школы нет!

А там, в том районе, который мне понравился школа огромная! И даже есть бассейн! И Миша научится плавать. И рядом спортивная школа, мы запишем его на дзюдо, или футбол, а ещё там зимой каток...

Он легонько, как перышко перенес Эмму к себе на колени и произнес:

– Убедишь любого! И да...возможно ты права...Я совсем не думал о Мишеньке, а ему и правда, через несколько месяцев в первый класс идти...

Эмма потерлась о его нос своим и, скинув с себя пеньюар, прижалась обнаженным телом к его телу и мгновенно загорелась, словно спичка вспыхнула от прикосновения к нему. Он придавал ее к кровати и, целуя лицо, ключицы, грудь бормотал:

– Ты ведьма! Горячая сучка...невероятно горячая...! Моя...

Глава шестнадцатая «Не жалела»

Через шесть месяцев они переехали в Строгино. Район оказался зеленым и чистым, а школа и впрямь была большой и светлой.

Первого сентября две тысячи третьего года Миша пошел в первый класс, держа за руки отца и Эмму.

Эмма только после линейки передала в его ручку букет белых гладиолусов и скала:

– Вон та тетя с высокой прической – твоя учительница Нина Николаевна, иди, подари ей цветы!

Мишка с новым ранцем на плечах подбежал к учительнице и вручил букет. Их выстроили парами и Мишка, помахав на прощанье отцу и Эмме, пошел со всеми детьми в школу, на свой первый в жизни урок!

Саша, проводив сына взглядом, сказал:

– Как быстро Мишка подрос, мне кажется, что я что-то упустил после смерти Любы и тети Кати...

Эмма взяла его под руку, и они пошли пешком, был воскресный день, не по-осеннему тепло и Саша предложил:

– Эмма, давай прогуляемся? А когда встретим Мишу после занятия, пойдем все вместе в ресторан? Отметим его первый школьный день? Наверняка это будет для него самое радостное первое сентября.

Эмма улыбнулась:

– Я полностью «за»! Тем более, что у нас есть ещё один повод!

Саша посмотрел на неё сверху вниз, по сравнению с ним Эмма казалась себе маленькой. И ей очень нравилось, что он высокий, большой и сильный! Она встала на цыпочки и как бы по секрету прошептала ему на ухо:

– Я нашла вчера работу, недалеко от дома, в юридической конторе как раз на полдня! Начинаю работать помощником делопроизводителя!

Саша поймал ее за талию и чуть приподнял над асфальтом, как легкое перышко:

– Поздравляю! Но давай договоримся, что ты тратишь всю свою зарплату только на себя!

Эмма выдохнула, ну почему он такой упрямый! Ведь кредит, что они оформили для того, чтобы рассчитаться полностью при покупке квартиры составил весомую сумму, и Саша теперь работал не только журналистом в газете, но и репортером на частном канале.

Он уезжал в командировки по России, его посылали везде, куда никто не соглашался ехать в любое время. И Эмма по нему отчаянно скучала! Не могла заснуть и думала, что зря они купили трехкомнатную квартиру, им бы и двушки хватило! И она и правда – жадина!

В это первое сентября Саша чудом никуда не уехал! И она думала, что если устроится на работу, то через год–два, когда Миша подрастет, станет работать полный день и нач-

нет хорошо зарабатывать. Ведь Москва — это центр деловой жизни! Это миллион возможностей!

Но Саша видимо не собирался принимать её деньги в расчет. Эмма не стала спорить, и решила, что жизнь сама расставит всё на свои места. И если с Жориком она делала, так как хотелось ей, то с Сашей приходилось становиться дипломатом! Но Эмма об этом нисколько не жалела.

Прошло три года. Мишка пошел в третий класс. Эмму назначили старшим юристом в компании, куда её поначалу взяли помощником делопроизводителя. Она решила, что поработает ещё год под руководством шефа, за это время получит лицензию нотариуса, и отправится в свободное плавание, открыв кабинет, недалеко от дома. А потом, когда Мишка подрастет, переберется поближе к центру, где обитают состоятельные клиенты и спрос на услуги нотариусов стабильно высок.

Саша втянулся в работу в своей частной телевизионной компании, и часто выезжал на горячие репортажи по всей стране, где они снимали то последствия наводнений, то крупную аварию на производстве в лесной компании, приведшую к загрязнению окружающей среды, то лесные пожары, уничтожающие тысячи гектаров вековой тайги.

Иногда он отправлялся в командировки в Китай, ему за эти выезды отлично платили и хотели в скором времени сделать руководителем азиатского, международного направления, освещать экономические и туристические темы. Но Са-

ша, съездив в одну— две таких поездки, откровенно начинал скучать, и рвался потом на экстремальные съемки.

Не раз они спорили с Эммой на эту тему. Вот и сегодня вечером, Эмма проверила Мишкины уроки, накормила его ужином и уложила спать, вернулся Саша, выглядел он устал. Саша чмокнул ее в кончик носа и сказал:

— С ног валюсь, расследование этого рейдерского захвата доконало окончательно. Я в душ и спать.

Эмма хотела сказать ему: «Я так по тебе соскучилась!»

Но дверь в ванную за Сашей закрылась, и она осталась посредине коридора одна. Эмма взяла расческу с полки у зеркала и несколько раз провела по прядям волос, вглядываясь в себя — неужели так и пройдет жизнь? Саша будет мотаться по стране, а она? А она неделями будет оставаться одна с Мишкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.